

Татьяна БУЛАТОВА

Эта книга заставляет еще раз задать себе все самые трудные, самые ранившие вопросы, снова вернуться в детство и сверить ориентиры. Просто чтобы не потеряться в этой жизни.

Г. Куликова

Да. Нет. Не знаю

Татьяна Булатова

Да. Нет. Не знаю

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8275721
Да. Нет. Не знаю / Татьяна Булатова: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74453-4

Аннотация

Женщина, любимая отцом, всегда чувствует себя красавицей и любима другими мужчинами.

Георгий Одобеску обожал свою Аурику, не сомневался в ее неотразимости и готов был лично задушить каждого, кто посмел бы косо посмотреть на его Прекрасную Золотинку.

Для мужа Аурика всю жизнь оставалась самой красивой и желанной женщиной, для дочерей и внучки – непререкаемым авторитетом.

Счастлива семья, у которой есть ангел-хранитель. Вдвойне счастлива, если этот ангел – мать, жена и бабушка, чьи безапелляционные советы если и не сильно помогают жить, то, во всяком случае, дают надежду, что все будет хорошо.

Татьяна Булатова

Да. Нет. Не знаю

© Федорова Т. Н., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

На самом деле история Леры Спицыной началась давно, а вовсе не тридцать пять лет назад. И на первый взгляд в этой истории не было ничего необыкновенного, если не брать в расчет некий «генетический каприз», о котором любила говорить Лерина престарелая бабка, последние лет десять живущая на даче под Митяевом, в небе которого грохотали рокочующие истребители. Звали восьмидесятилетнюю даму Аурика Георгиевна Одобеску.

Отец ее – коллекционер Георгий Константинович Одобес-

ку, обрусевший румын, чья родословная явно носила характер больше мифологический, нежели конкретно-исторический, – неоднократно объяснял вспыльчивой дочери Аурике, что человек «головой может заработать гораздо больше, нежели руками». Будучи по природе человеком наблюдательным и артистичным, Георгий Константинович легко сходил с людьми, невзирая на происхождение, социальный статус и уровень развития собеседника. Барон Одобеску, как называли его между собой коллеги по цеху московских коллекционеров, четко усвоил главное правило поведения, способствующее тому, чтобы собеседник начал нуждаться в тебе, как в воздухе, незаметно для себя самого. «Просто смотри и слушай!» – инструктировал он импульсивную Аурику, выкладывая перед ней на черную бархатную салфетку ювелирный шедевр, добытый при помощи декларируемого правила.

– Красиво? – любовался Георгий Константинович и аккуратно, двумя пальцами, подносил украшение к ушку единственной дочери. Аурика казалась ему прекрасной, хотя со стороны выглядела как небольшая по размеру тумбочка на тонких ножках. Но барон Одобеску умел игнорировать мелкое и незначительное и укрупнять то, что по-настоящему важно.

К дочери Георгий Константинович относился, как к главной жемчужине своей ювелирной коллекции, поэтому был весьма озабочен вопросами ее будущего замужества, невзи-

рая на то, что девочка еще только входила в пубертатный период и в перспективе оставалось еще достаточно времени, чтобы подыскать пухлой Аурике достойную партию. «Только не из наших!» – давал зарок про себя Одобеску, в глубине души опасаящийся подвоха не столько со стороны своих юрких коллег, сколько со стороны государства, недвусмысленно намекающего, что, дескать, еще существуют в Москве места, где готовы принять на вечное хранение некоторые экземпляры его знаменитой коллекции живописи и фарфора.

Музеев и картинных галерей Георгий Константинович боялся, как огня, хотя сотрудничал с ними долгие годы, часто выступая экспертом в определении истинной ценности того или иного артефакта. Но вид одетых в синюю форму смотрительниц музеев, шикающих на не в меру болтливых посетителей, навевал на Одобеску такую тоску, что хотелось «плюнуть да бежать!». И он бежал, как правило, в сторону знаменитого в городе ресторана «Колизей», где собиралась богема и где у Георгия Константиновича была репутация постоянного посетителя особой значимости, к услугам которого предлагался отдельный кабинет, декорированный тяжелыми портъерами из малинового бархата. Там барон Одобеску обхаживал привередливых клиентов, общался с коллегами по цеху и изредка, совсем изредка, обедал с какой-нибудь юной красавицей, у которой после встречи с вальяжным бароном появлялась исключительная возможность начать жизнь заново.

Но свою жизнь начать заново коллекционер Одобеску уже не мог, а потому довольствовался тем, что есть. И, кстати, было не так уж мало, в чем Георгий Константинович с удовольствием признавался самому себе на сон грядущий, полевая в холостяцкой кровати. Была в Спиридоньевском переулке огромная квартира, гораздо больше напоминающая музей, нежели человеческое жилище. Была непоколебимая репутация среди коллег и клиентов. Были серьезные капиталовложения и сбережения на черный день, не к ночи он будь помянут. Наконец, была Аурика – отрада всей его жизни и приятное невесомое воспоминание о той, чье имя практически стерлось из его цепкой памяти...

Единственное, чего не было у Георгия Константиновича, так это ощущения полной безопасности, для достижения которой он разработал целую систему мер, призванных сформировать лояльное отношение городских властей к его скромной, как он частенько говаривал, персоне. В их число входили добровольные пожертвования крупным музеям столицы, а также «ни к чему не обязывающие» презенты влиятельным лицам, кои неоднократно уверяли дарителя в дружественном расположении к нему. Однако, как только Георгий Константинович покидал очередного покровителя, тот, забыв об уверениях в абсолютной симпатии, тут же приглашал профессионального оценщика, чтобы уточнить истинную ценность презента.

Всех оценщиков барон Одобеску знал лично, многие из

них были его коллегами по московскому цеху коллекционеров, а потому никогда не ставил их в неудобное положение. Все его презенты имели исключительную художественную значимость и могли принести своему владельцу достойное материальное вознаграждение в случае продажи.

Георгий Константинович разбирался в людях так же хорошо, как и в тонкостях ювелирного дела, поэтому в вопросах дарения был щедр, а в вопросах протекции – скромн и застенчив. Разумеется, внешне скромн и внешне застенчив, как и подобает среднестатистическому советскому служащему. Стратегия имела успех: барон Одобеску был причислен московскими властями к рангу неприкасаемых. Но даже это не освобождало известного коллекционера от тайных страхов и заставляло его с особой тщательностью инспектировать свое ближайшее окружение. В число доверенных лиц входили только домработница Глаша и Аурика. И то потому, что ни черта не понимали в предметах роскоши и относились к тому, что их окружает, как к должному. Подумаешь, часы семнадцатого века?! А что, бывают другие?.. Они вообще здесь всегда стояли, накрытые стеклянным колпаком. Аурика это знала так же точно, как свои пять пальцев.

О картинах можно сказать то же самое: висят и висят. Никому не мешают. Нравится – смотри. Не нравится – не смотри. Глаша так вообще – метелкой пыль смахнет и скажет: «Надо бы влажной тряпкой!», но Георгий Константинович не разрешает. Станный человек! «Кто ж так делает?!» –

изумляется она и с недоумением рассматривает странный инструмент для борьбы с пылью: резная рукоять из слоновой кости и длинные перья невиданной птицы.

Глаша – это вообще отдельная история. Для потомков, Впрочем, как и долгое время для самой Аурики, а потом и ее детей, она была ни кем иным, как «дальней, очень дальней деревенской родственницей» Георгия Одобеску. Причем вопрос о том, что делали румыны по фамилии Одобеску в глухом рязанском селе, никому даже в голову не приходил, равно как и вопрос о том, почему у «дальней, дальней родственницы Георгия Константиновича», дамы незамужней, столь редкая для румын фамилия Проскурина?

Долгое время Аурика воспринимала Глашу как няньку, просто по доброте душевной и из благодарности к Георгию Константиновичу взвалившую на себя еще и нехитрые обязанности по дому. «Исключительно добровольно», – подчеркивал Одобеску и теребил пояс стеганого халата, который Глаша уважительно называла «домашним пальто».

До подросткового возраста Аурика не догадывалась о тайной стороне отношений, которые существовали между отцом и «няней Глашей». А когда поняла, возмутилась и потребовала от отца объяснений, как всегда, в категоричной форме.

– Я видела, – сообщила она Георгию Константиновичу и кивнула головой в сторону Глашиной комнаты.

Барон Одобеску оправдываться не стал, а, посадив гнев-

ную Аурику перед собой, начал издалека:

– Понимаешь ли, золотая моя девочка, мужчины и женщины – это... – седовласый Георгий Константинович взял паузу, а потом продолжил: – Это... как птицы. Иногда они сходятся вместе, чтобы свить гнездо и...

– И отложить яйца, – недовольно скривилась пятнадцатилетняя Аурика. – Я знаю, зачем сходятся мужчина и женщина. Но почему – Глаша? – подняла широкие темные брови разочарованная дочь барона Одобеску. – Она же моя нянька. И твоя родственница.

– Золотко мое, ты знаешь, что в переводе с румынского означает твое имя? – попробовал увильнуть от ответа Георгий Константинович.

– Знаю, – отмахнулась Аурика и снова повторила вопрос: – Почему Глаша?

– А кого бы ты хотела видеть на ее месте? – доброжелательно поинтересовался отец.

– Маму, – выпалила девочка, и ее византийские глаза влажно блеснули.

– Когда-то я тоже хотел... – философски изрек Георгий Константинович и разгладил атласный воротник на своем «домашнем пальто».

– Ты мне никогда про нее ничего не рассказываешь. Она что, умерла?

– Проще было бы сказать, что умерла.

– А на самом деле?

– На самом деле она сбежала от меня с любовником.

– И ты так спокойно об этом говоришь?! – удивилась Аурика.

– А почему я должен нервничать? – искренне удивился барон Одобеску. – Я точно не остался внакладе. У меня есть ты. Поэтому я простил твою маму, отпустил ее из памяти с миром и дал себе слово никогда не беречь прошлого и не жениться.

– Уж лучше бы ты женился! – буркнула обескураженная дочь. – Тогда бы не пришлось «вить гнездо» с Глашей.

– Глаша – это моя дальняя, очень дальняя родственница, – хитро улыбаясь, начал Георгий Константинович. – Настолько дальняя, что... В общем, ты поняла, моя золотая девочка. И не суди Глашу. Она стала для тебя второй матерью.

– Первой, – поправила отца Аурика.

– Второй, – не согласился барон Одобеску. – Первой стал я.

– Хорошо, что ты не женился на Глаше, – неожиданно прильнула к отцу девочка и обвила его шею руками.

– Почему? – заинтересовался Георгий Константинович.

– Потому... Потому что она... – Аурика никак не могла подобрать нужных слов, чтобы объяснить отцу, как он разительно отличается от женщины, которая тайком заходит к нему в спальню. Аурика Одобеску не хотела обижать Глашу, но вместе с тем ей было крайне неприятно осознавать, что ее красивый, умный, величественный отец спит со своей дом-

работницей – слишком простой и, как казалось девочке, совершенно непривлекательной.

К чести Георгия Константиновича нужно отметить, что сам он приходил в неслыханную ярость при любом неуважительном, как ему казалось, упоминании имени Глаши, даже если оно исходило из уст самой Аурики. Вопреки сложившимся обстоятельствам, барон Одобеску пытался настоять на том, чтобы Глаша садилась за стол вместе с ним и дочерью, но женщина изо всех сил сопротивлялась, ссылаясь на то, что сыта – мол, пока готовила, напробовалась...

– Тогда просто посиди, – просил Георгий Константинович и показывал на место напротив Аурики. И Глаша, смущаясь, усаживалась на стул и сидела, не смея поднять глаз на «поперечную» девочку, впавшую в подростковый нигилизм. Нянька боялась своей воспитанницы, чувствуя себя виноватой за то, на что никогда бы сама не осмелилась, не прояви хозяин к ней интереса. Уж кто-кто, а сама Глаша прекрасно понимала: где она и где Георгий Константинович! Не случайно после встречи с Аурикой у дверей хозяйской спальни молодая еще, кстати, женщина даже попыталась прекратить и так достаточно редкие встречи с хозяином, но ничего из этого не вышло. К обоюдному, скажем так, удовольствию.

Сам Георгий Константинович с себя ответственности за происходящее не снимал и всячески пытался загладить перед Глашей свою невольную вину, предлагая ей то одно, то другое. От денег сверх тех, что платились ежемесячно и по

договору, она категорически отказывалась и с обидой, отвернувшись от хозяина в сторону, роняла: «Нехорошо, Георгий Константинович. По согласию ведь. Разве ж за это берут?» Не зная, как выразить свою мужскую и отцовскую благодарность, Одобеску перепробовал все, что можно. Даже путевку в санаторий на Рижское взморье приобрел, откуда Глаша сбежала ровно через неделю от неизбывной тоски по дому.

– Ну зачем ты приехала? – взмолился Георгий Константинович, переживавший жаркий июль за задернутыми шторами в опустевшей квартире.

– Не могу я там, – не выдержала Глаша. – Душа прямо так и рвется. Все думаю, как вы там один у меня. Поди, голодный. Нет, думаю, поеду. Лучше дома.

– Ну, что же ты, детка, – выдохнул Одобеску и с жадностью притянул беглянку к себе. – Хлопотунья какая! – бормотал он, скользя губами по Глашиному лбу.

– Скажете тоже, – засмушалась она и даже глаза закрыла от простого бабского счастья: «Приехала вот. И он рад».

На «вы» Глаша называла Георгия Константиновича всю свою жизнь, став его второй половиной, отделенной от хозяина только увешанной иконами стеной, глядя на которые женщина твердила слова молитвы вперемежку с благодарностью за счастливую судьбу.

Когда Глаши не стало, барон Одобеску сократил свое объемное в плане страниц завещание ровно на один пункт, ей посвященный. Другого претендента не было. Главной на-

следницей нелегального состояния стала роскошная в своей женской зрелости Аурика Георгиевна, уполномоченная отцом распорядиться оставшимся имуществом по своему усмотрению. Ни одна из четырех внучек, в которых Георгий Константинович души не чаял, в завещание известного московского коллекционера внесена не была.

– Почему? – удивилась Аурика, ознакомившись с перечнем не просто экзотических наименований, но и проставленными в скобках цифрами, призванными отразить материальную стоимость всех экземпляров коллекции.

– А зачем? Ты мать. Ты сама знаешь, как этим распорядиться.

– Но это же твои внуки! – умудрилась обидеться на Одобеску дочь.

– Это совсем другое, – улыбнулся Георгий Константинович и лукаво посмотрел на нотариуса. Старый еврей с пониманием закивал и глубокомысленно изрек:

– Слушайте своего отца, деточка.

Аурику ответ не удовлетворил, и она пустилась в пространные рассуждения о том, о чем пока не имела ни малейшего представления. «Первые дети – первые куклы. Первые внуки – первые дети», – вещала она прописные истины, даже не подозревая, что в каждом отдельном случае в цитируемое выражение могут быть внесены серьезные поправки. «Мне говорили, – проговорила Аурика с вызовом, – что внуков любят больше, чем детей. Разве это не так?» – обратилась она

одновременно к двум пожилым людям. «Так!» – поспешил уверить ее нотариус. «Нет», – не согласился с ним Георгий Константинович.

– Ты не любишь моих девчонок? – сразу же обвинила его Аурика.

– Люблю, – успокоил ее отец. – Но тебя я люблю сто крат больше – лукавить не буду. И даже предвижу, что наступит время, когда ты вспомнишь мои слова.

– Такого не будет никогда! – с апломбом заявила чернобровая дочь и уселась в кресло, словно созданное для ее роскошных форм. Аурика никогда не отличалась особой чуткостью, в отличие от своего отца и застенчивого мужа. Она даже не заметила, что старый Одобеску постепенно заменил почти всю мебель в доме, по-отцовски переживая, что дочь может испытывать дискомфорт, втискивая свое крупное тело в строгие и узкие кресла павловских времен.

– Будет, – заверил ее Георгий Константинович. – Обязательно будет, как только ты увидишь, как твой единственный и любимый ребенок окажется в полном подчинении у твоих внуков. И тебе станет жалко собственное дитя, потому что оно не спит, потому что страдает и беспокоится... И ты станешь воспринимать его обиды на детей, как свои собственные. И даже начнешь читать нотации потомкам, объясняя элементарные вещи...

Барон Одобеску не успел завершить мысль до конца, как Аурика его перебила:

– Ни-ког-да!

– Не спорьте с женщиной, Георгий Константинович, – обратился к барону нотариус и попросил разрешения откланяться, если к нему как к лицу официальному у наследницы нет никаких вопросов.

Вопросов и правда не было. К нотариусу. Проводив его, старый Одобеску вернулся в гостиную и обнял дочь:

– Аурика, Золотинка моя, не торопись говорить «никогда».

– Зачем ты меня дразнишь?

– Ни боже мой, девочка. Только предупреждаю.

– Ты странный человек, папа, – смягчилась Аурика. – Ты все время загадываешь мне загадки и никогда не даешь ответа, хотя и знаешь его.

– Ты тоже знаешь его. Но пока об этом не догадываешься.

– Почему просто не сказать: «Аурика, запомни».

– У тебя хорошая память. Она тебя не подведет, – улыбнулся Георгий Константинович. – И потом: я еще жив! Ты всегда можешь спросить меня о том, что тебя волнует.

– Тогда я спрошу?

Одобеску сел напротив дочери и взял ее за руки.

– Ответь мне на один вопрос. Ты жил с Глашей тайком, столько лет. Но для всех она оставалась моей нянькой и домработницей.

– Помощницей, – поправил дочь Георгий Константинович.

– Это ничего не меняет. Для всех она была просто нянькой и просто домработницей. У нее была отдельная комната. Отдельная от нас жизнь.

– Это тебе только так кажется, – устало проронил Одобеску. – У нее была только наша жизнь. И потом – я никогда не обманывал тебя, и ты прекрасно знала о наших отношениях. Но ты была сурова и неприступна до тех пор, пока не вышла замуж. А потом тебе стало все равно. Ты просто забыла про свою состарившуюся няньку и обзавелась своей помощницей. Что тоже понятно. У тебя четверо детей. Муж. А у меня осталась одна Глаша.

– Тогда почему ты на ней не женился?

– Зачем?

– Ты же сам говорил, все люди рождаются одинаковыми и каждый имеет право...

– Говорил, – согласился Георгий Константинович. – Но ей это было не нужно. Ты же видела: Глаша всегда была всем довольна. Если она чего-то и боялась, так только того, что я умру раньше нее.

– Тогда – тем более!

– Тем более – что? – не понял Одобеску.

– Ты мог это сделать. Не афишируя. Просто, чтобы она была счастлива.

– Она не стала бы от этого счастливее, я тебя уверяю. И потом – я никогда не любил ее. И она об этом знала.

– А кого ты любил? Маму?

– Маму? – удивился Георгий Константинович. – Я даже плохо помню, как она выглядела. Хотя... Что-то помню, конечно, но это не важно. Важно, что она оставила мне тебя, мою Золотинку.

– Тогда кого? – продолжала настаивать Аурика.

– Тебя, – незатейливо просто ответил барон Одобеску и выпустил из своих рук руки дочери.

– Но это неправильно, – проямлила ошеломленная Аурика. – Любовь к дочери – это совсем другое.

– Конечно, другое, – согласился с ней Георгий Константинович. – Но именно любовь к дочери и стала главной любовью моей жизни. Вот это, наверное, стоит запомнить.

Это было несложно сделать. В тот день Аурика вернулась от отца чернее тучи и заперлась в спальне, чем ввергла в изумление свою семью, вкупе с домработницей Полиной, которую она грозилась уволить всякий раз, когда по той или иной причине омрачалось ее, хозяйское, настроение. На защиту бедной женщины вставал робкий, но принципиальный математик – Михаил Кондратьевич Коротич, имеющий неосторожность много лет тому назад полюбить пламенные очи страстной Аурики Одобеску.

* * *

Тогда Миша Коротич категорически не понравился капризной папиной дочке. Во-первых, потому что был на пол-

торы головы ее ниже. Во-вторых, потому что был до раздражения застенчивым. И в-третьих, молчаливым. Аурика же мечтала о чернобровом трубадуре, красавце под стать себе: рост, вес и мужественность, помноженные на добрый нрав и прекрасное чувство юмора. Еще хотелось бы, чтобы присутствовал навык игры на музыкальном инструменте, умение слагать стихи, но это Прекрасная Золотинка считала не столь обязательным.

По мнению Георгия Константиновича, подобно орлу, выглядывающему из гнезда в поисках опасности, такие особи водились исключительно в институтах физической культуры и спорта. Этих барон Одобеску просто недолюбливал, потому что видел в них угрозу целомудрию своей не по годам развитой Аурики. А вот молодых людей, разбиравшихся в искусстве гораздо больше, чем в очевидных прелестях его Золотинки, Георгий Константинович терпеть не мог и в разговоре с Глашей презрительно называл «эти стервятники».

Аурика Георгиевна считала отцовскую подозрительность «шпионскими страстями» и поднимала на смех всякий раз, когда обнаруживала Георгия Константиновича за «неблагодарным делом»: барон Одобеску, маскируясь портьерами, разглядывал с высоты своего второго этажа всякого, кто провозжал главную жемчужину его коллекции до дверей квартиры в доме в Спиридоньевском переулке.

В соседях у известного московского коллекционера проживали министр, физик-ядерщик и оперная певица, которые

не просто раскланивались с Георгием Константиновичем, но даже бывали у него в гостях. Кавалеры Аурики были людьми образованными: они умели читать и активно использовали этот навык, рассматривая медные дощечки на внушительных двустворчатых дверях квартир престижного дома. Надо ли говорить, что озабоченные своей дальнейшей судьбой молодые люди предпочитали навещать завидную невесту дома? Разумеется, нет. И это было барону Одобеску явно на руку. Георгий Константинович не возражал против сложившейся традиции и обязательно знакомился с каждым, кто торопился назвать его Аурику своей девушкой.

Миша Коротич оказался единственным, кто при первой встрече наотрез отказался перешагнуть порог заповедной квартиры Одобеску, сославшись на исключительную занятость. Это Георгия Константиновича всерьез насторожило.

– Что за юноша? – поинтересовался озабоченный отец у довольной отказом девушки.

Аурика закатила глаза, всем своим видом демонстрируя никчемность отцовского вопроса:

– Папа, он больше здесь не появится. Вот увидишь!

– Откуда такая уверенность, золотко?

– Он меня бесит.

– Чем?

– Всем.

– Хороший ответ, – засмеялся Одобеску и пододвинул к ногам дочери комнатные туфли. – А кто же тогда вам, ба-

рышня, по нраву?

– Ну, какая разница тебе, папа? – хихикала Аурика, готовая произнести отложенный про запас аргумент «я же не лезу в твои отношения с Глашей».

– Огромная, Золотинка. Тебе двадцать лет, и это значит, что у меня в любой момент может появиться конкурент.

– У тебя нет конкурентов! – легко соврала Аурика и чмокнула отца в щеку.

– Этого не может быть! – не поверил ей Одобеску. – У меня должно быть сто конкурентов. Но главный, – добавил он, – один. Кто мой главный конкурент?

Возбужденная разговором с отцом, Аурика проскользнула в гостиную и с размаху плюхнулась на дореволюционный обитый кожей диван. Внимательно посмотрев на раскрасневшуюся дочь, Одобеску догадался: «Влюблена!» и не на шутку расстроился, но вида не показал и занял выжидательную позицию.

Любопытство Георгия Константиновича вскоре оказалось удовлетворено. Аурика свой секрет выболтала по телефону, в деталях рассказав близкой подруге все подробности своего головокружительного романа. Находясь под впечатлением от собственного повествования, студентка третьего курса исторического факультета МГУ забыла о правилах конспирации и опрометчиво не проверила, дома ли Глаша. Бывшая нянька не ставила перед собой цели выяснить имя возлюбленного Аурики, это случилось нечаянно, но, по убеждению

Георгия Константиновича, как нельзя кстати.

Избранника звали Сергеем, фамилию он носил обыкновенную и даже не особенно звучную. Но Аурике казалось, что по красоте звучания пара слов «Сергей Масляницын» может сравниться только с первыми жизнеутверждающими аккордами свадебного марша Мендельсона. Все просто: полногрудая Золотинка хотела замуж. Причем со всеми вытекающими отсюда последствиями, о прелестях которых шепотом рассказывали однокурсницы, познавшие эту сторону взрослой жизни. Так почему бы Аурике не сравняться с ними в правах?!

О том, что пышнотелая и чернобровая Аурика – девственница, студент догадался сразу же, как только попытался засунуть руку ей в трусики. Однокурсница автоматически сдвинула ноги, но руку не оттолкнула. «Значит, нравится!» – подумал Масляницын и воспрял духом, умело поглаживая пальцами набухающий бугорок. Довести Аурику до оргазма столь излюбленным для девственниц способом оказалось легче легкого, и Сергей начал проделывать с ней это неоднократно, медленно, но верно подводя к мысли о том, что есть ощущения, гораздо более приятные и приносящие истинную радость обоим партнерам.

Пока Аурика собиралась с духом, а именно об этом она и поведала закадычной подруге, комсомолец Масляницын времени даром не терял и с завидным постоянством посещал общежитие университета, где проживали сговорчивые

студентки, просвещенные в вопросах войны полов и выступавшие за дружбу между народами.

На вопрос Сергея: «Когда?» Аурика отвечала: «Скоро», — и ждала дня, когда квартира в Спиридоньевском переулке опустеет на какое-то время. Для этого исподволь уточнялись планы Георгия Константиновича, Глашу в расчет даже не брали: если в доме были гости, она старалась без нужды никогда не выходить из своей комнаты.

«Глаша не помешает», — опрометчиво рассуждала Аурика, даже не догадываясь о том, какую знаковую роль уготовили бывшей няньке сердобольные ангелы-хранители семьи Одобеску. Пока двадцатилетняя девица ломала голову над тем, какое задание дать наивной Глаше, чтобы отвлечь ее внимание, та, мирно полеживая на плече Георгия Константиновича, в деталях пересказывала разговор воспитанницы с той самой подругой, которую ровно через два дня отлучат от дома Одобеску раз и навсегда. Что-что, а отношения выяснять Аурика в принципе не умела, поэтому всегда скатывалась к оскорблениям. Помня об этом, Георгий Константинович редко когда позволял себе открытое сопротивление. Но в момент, когда дочь совсем уж палку перегибала, сквозь зубы выдавливал интеллигентное: «Аурика Георгиевна, извольте выйти вон».

До «извольте выйти вон» в этот раз не дошло, потому что вся накипь негодования досталась ни о чем не подозревающей и, в сущности, верной закадычной подружке, имя кото-

рой Аурика Одобеску категорически запретила упоминать в своем присутствии.

Разгневанная Аурика прижала ее к стене университетского коридора и громовым шепотом прошипела:

– Иуда! Что ты ему наговорила?

– Кому? – обмерла ошарашенная наперсница.

– Ты знаешь кому! – шипение Прекрасной Золотинки заполнило весь коридор. На двух студенток стали оборачиваться.

– Кому? – ни жива ни мертва повторила подруга.

– Хватит валять дурака! Только ты знала об этом...

– О чем? – никак не могла взять в толк бедная одnogруппница.

Аурика не сдержалась и стукнула ее по плечу:

– Сволочь! Ненавижу тебя! Чтоб ноги твоей больше не было в моем доме!

Кто, спрашивается, после таких слов решится уточнить, что же все-таки случилось, отчего вельможная пани впала в такую немилость?! А ведь при более внимательном отношении к делу сообразительная Аурика легко могла бы обнаружить некоторые нестыковки во всей этой истории. Но страсти разыгрались нешуточные, и оскорбленная отказом девушка в речи предполагаемого жениха не заметила оговорки такого рода: «Да если бы я знал, кто твой отец, разве бы я сунулся?» или «Мне моя жизнь, между прочим, тоже дорога. Еще молодой – не нагулялся, а ты сразу – замуж!» Кстати,

про «замуж» Аурика действительно поведала исключительно разжалованной в негодяйки подруге.

– Как ты думаешь, Глаша, – задумчиво произнесла за-
реванная Аурика, отхлебывая из стакана отвар валерьяны,
заблаговременно приготовленный подлинной осведомитель-
ницей, – почему люди совершают предательство?

– Завидуют... – быстро среагировала Глаша и погладила
воспитанницу по голове.

– А мужчины? – добавила вдогонку Аурика, словно те не
люди.

– Не любят, – подлила масла в огонь бывшая нянька и
заварила пустырник: «Хуже не будет».

В том, что Сергей Масляницын отказался от визита к
румынской царевне, на самом деле не было ничего удиви-
тельного. Раздавленный рассказом Глаши, Георгий Констан-
тинович Одобеску шума поднимать не стал, а через дове-
ренных лиц пригласил сексуально-приткого студента в свой
«кабинет», закрепленный за бароном в знаменитом «Коли-
зее». Отказаться от приглашения Масляницын не мог: уж
очень ласковы и одновременно настойчивы были просители.
Брали под локоток, шептали на ухо, похлопывали по пле-
чу. В общем, вели себя крайне бесцеремонно, хотя внешне –
невероятно обходительно.

Увидев Георгия Константиновича, вальяжно рассеяшего-
ся в кресле «личного кабинета», Сергей от испуга покрылся
красными пятнами. Внешнее сходство сидящего перед ним

человека с той, что со дня на день должна была превратиться в еще один, причем не самый интересный экземпляр его коллекции, было поразительным и не вызывало никаких сомнений.

«Чего она могла ему наговорить?» – лихорадочно начал соображать студент Масляницын, пытаясь предвосхитить вопрос старшего Одобеску. Георгий Константинович гостя присесть не пригласил, видимо, наслаждаясь растерянностью молодого человека, который чуть не украл прямо из под носа отцовское сокровище.

– Сергей Владиславович Масляницын? – наконец-то разжал губы отец Аурики. – Родом из Брянска, 1928 года рождения, студент третьего курса исторического факультета МГУ, член ВЛКСМ, проживающий в общежитии при университете, где имеет репутацию человека в интимных отношениях неразборчивого и легкомысленного. Так?

Масляницын сглотнул и кивнул головой, понимая, что любой вызов с его стороны может закончиться для него не самым лучшим образом.

– Разрешите представиться: Георгий Константинович Одобеску, отец Аурики, будем считать – неожиданно отменивший важную встречу в связи с предстоящими событиями матримониального свойства.

Что такое «матримониального», Сергей не понял, но слово ему не понравилось, от него исходила какая-то невнятная угроза.

– Я узнал, – кивнул Масляницын, не смея поднять голову.

– Что же вы, Сергей Владиславович, не поинтересуетесь, зачем вы здесь? – тихим голосом произнес Одобеску, и ироничная улыбка исчезла с его лица.

– Зачем? – с готовностью произнес студент.

– Затем, что до меня, вашего покорного слуги (Георгий Константинович, когда волновался, начинал говорить витиевато), дошли, так сказать, слухи о вашем романе с моей дочерью.

Масляницын отрицательно замотал головой.

– Нет, говорите, никакого романа? – Одобеску поднялся с кресла и подошел к еле живому от страха студенту, проклинаящему тот день, когда нелегкая его дернула присесть рядом с чернобровой красавицей с горящими голодными очами. – Правильно, молодой человек. Я тоже так думаю: нет между вами никакого романа и быть не может. Ну, а коли вы все-таки будете настаивать на продолжении отношений с моей дочерью, а я об этом непременно узнаю, уверяю вас, Сергей Владиславович, то вынужден буду принять меры. Крайние, я бы так сказал, меры.

Георгий Константинович застыл над Масляницыным, а потом, взяв его за подбородок, резко поменял тон разговора и почти прикрикнул:

– А, может быть, вы и вправду хотите жениться на Аурике Георгиевне? Незамедлительно и на всю жизнь?!

Сергей повел подбородком – Одобеску хватку не ослабил.

Наоборот, сделал свое прикосновение еще более унижительным, заложив Масляницыну за шею свою левую руку.

– Хотите? – прошептал он молодому человеку на ухо.

– Нет, – промычал студент, ибо произнести слово внятно, при условии, что твой подбородок зажат двумя цепкими пальцами врага, не было никакой возможности.

– Тогда зачем, юноша, вам понадобилась моя девочка? Разве к вашим услугам не готовы предоставить свои прелести многочисленные подружки, нрава легкомысленного и, я бы сказал, весьма вольного? Попробую догадаться! – Георгий Константинович наконец-то отпустил масляницинский подбородок: – Хотите, попробую?

Сергей изо всей силы замотал головой.

– Так вот! Девочка из хорошей семьи. Вся такая чернявенькая. Даже усики над губой. Вы ведь и правда верите в то, что черные усики над верхней женской губой – это признак темперамента? Она пышная. И к тому же, девственница! Как мило! И даже нервы щекочет: потому что у старого дурака-отца под боком... Та-а-ак?

Масляницин снова отрицательно покачал головой.

– Так. Я знаю, что так. Но вы, молодой человек, недооценили серьезность ситуации и наделали много ошибок. А за ошибки надо платить. Вы готовы платить?

– Я ничего не сделал, – наконец-то высвободился из объятий Одобеску Сергей Владиславович. – Я не настаивал. Аурика меня сама пригласила.

– Не хочу в это верить, но допускаю мысль, что все было именно так. В нашем роду женщины отличаются особой страстностью и смелостью решений. Но ведь вы могли отказаться?

Масляницын посмотрел на Георгия Константиновича как на идиота, но потом быстро понял, чего от него добивается вальяжный румын, и с готовностью произнес:

– Я откажусь.

– И правильно, – поддержал его Одобеску. – Откажитесь.

– Откажусь, – снова повторил студент.

– И как вы это сделаете, позвольте спросить? – любопытствовал Георгий Константинович, предложив гостю присесть.

– Ну... Я скажу, что не могу.

– Она спросит, почему.

– Скажу, что не люблю.

– Исключено.

– Скажу – болен.

– Она будет ждать, когда вы поправитесь. Может быть, сказать, что у вас есть невеста?

– Невеста? – удивился Масляницын.

– Невеста. Нет, лучше скажите, тайная жена, и вы боитесь огласки.

Глаза несостоявшегося жениха стали круглыми.

– Ну, хорошо, скажите, что ваши отношения стали темой для обсуждения на курсе и вы, как порядочный человек,

не хотите компрометировать избранницу, тем более что серьезные отношения в ваши планы не входили. И предупреждаю: ни слова о нашем случайном знакомстве! Кстати, может быть, вы хотите денег?

«Кто ж их не хочет?» – подумал Сергей, но вместо этого произнес:

– Я хочу, чтобы вы меня отпустили.

– А кто же вас держит-то? – картинно удивился Одобеску и через секунду оказался около дверей кабинета, задернутых, как и окна, малиновыми бархатными портьерами:

– Пожалуйста... Выход здесь. Прошу вас, Сергей Владиславович. Не обессудьте, – продолжал фиглярничать барон. – Надеюсь на взаимопонимание...

Студент Масляницын с опаской выглянул из дверей кабинета, проверяя, нет ли в коридорах, застланных коврами дорожками, тех двух, навязчивых, что сопровождали его от здания на Герцена, пять, до знаменитого «Колизея». Никого не было, если не допускать мысли о том, что от долгого стояния за дверью те двое превратились в пыльные финиковые пальмы, торчавшие из кадок, выкрашенных масляной краской цвета охры.

– Никого? – ехидно шепнул барон Одобеску и подтолкнул гостя в спину. – Счастливого пути, молодой человек. Рад знакомству.

В тот вечер, когда Георгий Константинович, без аппетита поужинав в «Колизее», вернулся домой, Аурика пребыва-

ла в отличном расположении духа и с кем-то мурлыкала по телефону, параллельно рассматривая себя в старинное зеркало, обрамленное фацетом по периметру. Увидев отца, она подставила щеку для поцелуя. Поцелуй последовал незамедлительно. Георгий Константинович вспомнил нюансы сегодняшней беседы с господином Масляницыным и заметно приуныл, понимая, какую бездну боли и разочарования придется испытать его Золотинке буквально завтра.

– Ты уезжаешь? – Аурика наконец-то повесила трубку.

– Уезжаю, – легко солгал Одобеску. – Чем будешь заниматься?

– Я? – залилась вдруг краской дочь.

– Ну, я-то знаю, чем занимаются одинокие молодые особы, как только их убеленные сединами отцы отправляются из дома по неотложным делам, – усмехнулся Георгий Константинович и, не дождавшись ответа от дочери, зычно прокричал в сторону кухни: – Гла-а-аша! Согрейте чаю!

Та выскочила из кухни, пообещала «побыстрее» и тут же исчезла, оставив хозяина с дочерью вдвоем. Они так и стояли напротив большого зеркала, испытующе глядя друг на друга, словно хотели что-то сказать, но не осмеливались. Например, Аурике хотелось поведать отцу, что завтра в ее жизни произойдет самое главное: она станет женщиной, а через какое-то время – женой. «И мне не страшно», – мысленно сообщила отцу Аурика и тут же улыбнулась: страшно и правда не было. «А мне – очень, – мог бы ответить Георгий Кон-

стантинович, если бы догадывался, о чем думает его Золотинка, – потому что этот подонок тебя не любит. Он мой коллега, – хотелось отцу предупредить дочь. – Только я собираю вещи, а он коллекционирует женские души. Нет, неправильно! Я коллекционирую души старинных вещей, а он – женские тела. Это – большая разница!»

– Так чем они занимаются? – выдавила из себя Аурика.

– Они прогуливают занятия в университете и целый день наряжаются для того, чтобы вечером вывести себя в мир соблазнов. Правда, золотко мое? Ты тоже из их числа?!

Аурика хихикнула.

– Слава богу, – рассмеялся Одобеску, продолжая усыплять дочернюю бдительность. – Я так и думал. В твоей прекрасной головке должны роиться мечты о наслаждениях.

Аурика с пониманием кивнула и прильнула к отцу.

– Обещай не скучать и хорошенько повеселись. Кстати, ты ходишь на танцы?

– Мне это неинтересно.

– Это неправильно, – пожурил ее Георгий Константинович. – Танцы – это лучшее, что придумало человечество для того, чтобы между людьми проскальзывали искры. Танец дает мужчинам и женщинам уникальные возможности понимать друг друга без слов, только при помощи прикосновений и красноречивых взоров. Ну и запахи, конечно. В танце зарождается страсть. Например, танго. Ты танцуешь танго, Золотинка?

– Я же сказала, мне это неинтересно.

– У тебя просто нет подходящего партнера для танцев, – сделал вывод Одобеску и представил студента Масляницына танцующим впрыскалку. – Смотри, – повернулся он к дочери и, приобняв ту за талию, запел свою любимую мелодию Сиднея Бише «Маленький цветок»: – Пам-пам, тиб-да-ти-ба-да... Тара-рара-ри-ра-ра... Давай, золотко мое, папа покажет тебе, как это красиво и замечательно – танцевать танго!

Аурика поддалась чарам волшебной мелодии, которую ее отец напевал практически всегда, когда приходил в прекрасное расположение духа. Она даже попробовала подпеть Георгию Константиновичу, но тут же сбилась с ритма и застеснялась.

– Смотри, детка, – притянул ее к себе Одобеску и показал несколько экстравагантных па. – Попробуй, это просто. Главное – слушать музыку.

Аурика попробовала повторить за отцом пару движений. С первого раза не получилось, она топнула ногой и прикрикнула с очевидным раздражением:

– Папа! Я не умею. Я как слон!

– Какие глупости! – запротестовал Георгий Константинович: – Пару уроков у прекрасной Изольды – и ты начнешь танцевать, как Анна Павлова.

– А кто такая Изольда? – заинтересовалась Аурика, наблюдая за пританцовывающим отцом.

Продолжая мурлыкать себе под нос, Георгий Константинович охотно пояснил:

– Прекрасная Изольда – это прозвище известной танцовщицы, имя которой гремело во времена моей юности. Мы с товарищами были ее страстными поклонниками. Долгое время она преподавала в хореографическом училище, параллельно занимаясь частной практикой.

– И сколько же ей лет?

– Неприличный вопрос, дитя мое, – засмеялся Одобеску.

– И все-таки...

– Если мне не изменяет память, где-то около восьмидесяти. Сейчас она похожа на чудом сохранившуюся мумию с трюфелем на голове.

– С чем? – не поняла Аурика.

– Трюфелем, – повторил Георгий Константинович. – Это такой гриб.

– А я думала, конфета.

Одобеску зажмурился, видимо, представляя знаменитую Изольду, и тут же согласился:

– Так тоже можно. Гриб... Конфета... Какая, в сущности, разница. Главное, что она обладает исключительным педагогическим талантом и способна научить танцевать танго даже неповоротливого бегемота.

– То есть меня, – подытожила Аурика.

– Кокетка! – проворчал Георгий Константинович. – Ты хочешь, чтобы я убеждал тебя в обратном?

– Какой смысл? – трезво отметила дочь.

– Знаешь ли, золотко, род Одобеску издревле славился крупными дамами. Местами – очень крупными. И, поверь мне, наши мужчины всегда умели это ценить! Роскошные формы – это визитная карточка темперамента и визуализация способности к деторождению. Это я тебе говорю как представитель рода Одобеску.

– И сколько детей обычно рожали ваши крупные дамы? – язвительно поинтересовалась Аурика, особо, кстати, не ломающая голову над тем, как привести свое тело к обществу в студенческой среде нормам.

Георгий Константинович замялся, как будто его поймали с поличным, и, придав своему лицу важное выражение, торжественно заявил:

– Много.

– Ну сколько? – продолжала настаивать Аурика.

– Ну много, – не сдавался барон Одобеску.

– Сколько? – сдвинула брови дочь и дернула отца за руку.

– Точно не знаю, но, думаю, что много, – начал юлить Георгий Константинович.

– Насколько я знаю, господин Одобеску, вы на этом свете один, как перст. Значит, либо ваша маман родила вас одного-единственного, либо...

– Во всем виновата революция, – свалил вину на исторические обстоятельства Георгий Константинович, а потом, сделавшись серьезным, шепотом признался: – В моем случае

произошла генетическая поломка.

– Чего?

– Мои родители были кузенами. С точки зрения эволюции – связь, чреватая осложнениями. В итоге – из Одобеску сегодня только двое: ты и я. Кстати, что ты сделаешь с нашей фамилией?

– А что ты хочешь, чтобы я сделала с нашей фамилией?

«Ну, уж точно, не поменяла ее на фамилию Масляницына или Иванова», – подумал Георгий Константинович, и у него испортилось настроение.

– Папа, – окликнула его дочь и повторила вопрос: – Что ты хочешь-то?

– Хочу, чтобы ты была счастлива, – странно ответил Одобеску и опустил голову.

– Что-то я ничего сегодня не понимаю! – разозлилась Аурика, в голове которой никак не выстраивалась логическая цепочка. – То ты уезжаешь! То ты танцуешь! То ты хочешь, чтобы я была счастлива!

– В чем вы меня обвиняете, Аурика Георгиевна? – Одобеску привстал на цыпочки и поцеловал дочь в макушку.

– Па-а-апа! – запротестовала девушка и притопнула ножкой, обутой в атласную туфельку с аппликацией из лебяжьего пуха, выкрашенного в темно-коричневый цвет. Туфельки были ручной работы: Георгий Константинович не признавал в своем доме некрасивых вещей массового производства.

– Ну что «па-а-апа»?! – передразнил Аурику отец. – Ты

будешь учиться танцевать танго или нет?

– Нет.

– Какой ужас! – притворно закатил глаза Одобеску. – Моя дочь не хочет учиться танцевать танго! Тогда что вы танцуете, дитя мое? Эту безумную летку-енку?

Оказалось, что Аурика ничего не танцует.

«Это плохо!» – мысленно подвел итог Георгий Константинович, но вслух произнес следующее:

– Женщина должна красиво танцевать, Золотинка. Давай найдем Изольду.

– Эту восьмидесятилетнюю старуху? – скривилась Аурика.

– Эта восьмидесятилетняя старуха, девочка, двигается так, что со спины вы не сразу догадаетесь, кто перед вами. Зато педагогический опыт! Так сказать, владение ремеслом! Давай, детка?!

– Танго танцуют вдвоем, – резонно заметила Аурика.

– Пригласи своего молодого человека, – быстро среагировал Георгий Константинович и впился в дочь глазами. – У тебя есть молодой человек?

– Ну, па-а-апа, – снова заныла девушка.

– Ладно-ладно, – тут же сдался барон. – Не хочешь являть миру своего избранника, – а ведь он у тебя есть, я уверен, – твой отец будет твоим партнером!

– Ты?

– А чем я тебе не подхожу? – Одобеску выкатил грудь,

расправил плечи и манерно отвел локоть в сторону, чтобы его двадцатилетняя дама могла пройти с ним в гостиную рука об руку.

С точки зрения Аурики, все складывалось как нельзя лучше. Во время чаепития Георгий Константинович рассказывал о своих завтрашних планах, предупреждал, что может задержаться в Коломне, обещал позвонить, если возникнут непредвиденные обстоятельства, и настоятельно рекомендовал Глаше тоже развлечься как следует. Например, сходить в кино или в театр.

– Глаша, вы любите театр? – картинно разглагольствовал Одобеску, развалившись на кожаном диване.

Глаша молчала и с готовностью кивала в ответ.

– Не сидите, Глаша, дома. Идите в кино. Кино вас устроит?

Глаше было все равно. Она могла простоять несколько часов неподвижно, если только это понадобится хозяину. В кино? В театр? В парк? Надо, значит, надо.

– Какие картины показывают нынче в кинотеатрах? – обращался Одобеску к дочери, правильно рассчитав, что та моментально откликнется на брошенный призыв. – Что порекомендует нам просвещенная в вопросах киноискусства молодежь?

– В «Центральном» идут «Друзья-товарищи». Посмотри, няня, – внешне доброжелательно и спокойно порекомендовала Аурика, а ее сердце в груди забилося быстро-быстро,

как будто она бежала стометровку.

– Сеансы? – поставил задачу Георгий Константинович и почувствовал легкое головокружение.

– Надо звонить, – Аурика метнулась к телефону и по памяти стала набирать номер кинотеатра.

– Шесть часов подойдет? – спросил у Глаши Одобеску. Та согласно кивнула.

– Или половина восьмого?

И Глаша снова была не против.

– Лучше на половину восьмого, – вмешалась Аурика и выказала готовность купить билет заранее.

– Ну а ты, золотко, сама придумаешь, чем занять вечер, – улыбнулся Георгий Константинович, уговаривая себя быть спокойным.

На самом деле в душе темпераментного Одобеску бушевали страсти, удерживать которые ему час от часу становилось все труднее и труднее. Повышалось давление – Георгий Константинович чувствовал это по повторяющемуся головокружению. Чуткая Глаша не сводила преданных глаз с хозяина, молниеносно подмечая незаметные чужому глазу изменения в его лице. Барон и сам понимал, что любое промедление может привести его к гипертоническому кризу, но все равно пытался сохранять спокойствие и изображать полное благодушие, ненавидя себя за этот тщательно срежесированный спектакль.

– Что с тобой, папа? – заметила Аурика, перехватив взвол-

нованный взгляд бывшей няньки. – Тебе плохо?

– Что ты, что ты! – замахал руками Георгий Константинович. – Немного волнуясь перед завтрашней встречей.

– Ты-ы-ы? – вытаращила глаза девушка. – А что там у тебя за особенная встреча?

«Это не у меня особенная встреча! – хотелось закричать Одобеску. – Это у тебя встреча!» Но потом барон вспомнил, что встречи у его дочери завтра не будет. И ему стало стыдно – и за подлый маневр, предпринятый им несколько часов тому назад по отношению к этому парню по фамилии Масляницын, и за свое лицедейство, длящееся целый вечер. Ему захотелось признаться во всем, но отцовские чувства заставили его справиться с нахлынувшим раскаянием, и он жестко сказал себе, что так поступил бы на его месте любой.

«Любой!» – снова и снова повторял он себе, ворочаясь в постели под грохот собственного сердца. Эта сердечная канонада измотала Георгия Константиновича так, словно всю ночь его допрашивали с пристрастием. Причем, главный страх барона Одобеску был связан не столько с тем, что его дочь приговорена собственным отцом к убийственному разочарованию, личной драме, называйте это как хотите. Главный страх был связан с другим. С тем, что она узнает о его причастности к происходящему и не простит. «А вдруг этот идиот ненароком проговорится?!» – метался Георгий Константинович из стороны в сторону. – Нет, – успокаивал он себя. – Этот юноша слишком труслив. Не посмеет». «А ес-

ли глуп?» – точил его червь сомнения. «Ну почему сразу же глуп? – делал Одобеску шаг назад. – По-моему, вполне сообразительный юноша!»

Георгий Константинович был и прав, и не прав. Из благородства он мог бы представить старомодное объяснение в духе романтических историй, где искустителю ночью является ангел и грозит пальцем, после чего прозревший преступник садится в седло и несется на край света со словами раскаяния: «Простите меня... – говорит он той, которая ради него готова отказаться даже от честного имени. – Я виноват перед вами. И покидаю вас, чтобы не губить вашу душу, чистую и невинную». «Ах-ах!» – падает в обморок обманутая барышня, а через год выходит замуж за пожилого генерала, рождает ему дюжину детей и живет долго и счастливо на лоне природы в окружении своего семейства.

Жизненный опыт подсказывал встревоженному отцу, что время романтических историй кануло в Лету, а значит, делать ставку на людское благородство, по меньшей мере, глупо: красивого расставания не получится. И Георгию Константиновичу не оставалось ничего другого, как уповать на то, что студент Масляницын просто исчезнет из жизни его драгоценной Аурики, не обременяя себя никакими объяснениями.

Почти так и случилось: в тот день испуганный до истерики юноша просто не явился к означенному времени, понадеявшись на то, что его избранница молча сглотнет обиду и из

гордости перестанет с ним здороваться.

Почему Сергей Владиславович делал ставку на ее девичью гордость, не совсем понятно. Уж кто, как не он, должен был представлять себе истинные размеры готовности, которую Аурика проявляла в вопросах сексуального характера. Да и за подтверждением далеко не надо было ходить: встреча была назначена за неделю, накануне оговорены детали, и самому Масляницыну только и осталось, что прийти, увидеть и победить этот девственный бастион.

Не тут-то было! Совсем не гордая, получается, Аурика взяла быка за рога и затащила бывшего возлюбленного в закуток возле деканата, используемый влюбленными парочками для продолжительных и жарких поцелуев. О существовании этого «уголка утех» знали все, в том числе и преподаватели, но тактично делали вид, что, кроме пустых ведер, пары швабр и обломков развалившейся от студенческой энергии мебели, в нем ничего особенного нет. Одним словом, на историческом факультете жили по законам любимого в Средневековье Праздника дураков, когда можно почти все, но только раз в году и с разрешения муниципалитета. Факультетская власть в этом «приюте влюбленных» никакой угрозы для образовательного и воспитательного процесса не усматривала. Проходя мимо укромного местечка, откуда порой доносились рваные вздохи вперемешку с причмокиванием. «Молодежь!» – улыбались профессора и спокойно шли мимо, гася в себе зависть.

– Почему? – потребовала объяснений Аурика, под глазами которой от бессонной ночи залегли даже не черные, а темно-фиолетовые тени.

Масляницын, забившись в угол, молчал, лихорадочно вспоминая подсказки, оставленные ему на память господином из «Колизея».

– Почему? – прошипела Одобеску, и лицо ее исказилось настолько, что от южной ослепительной красоты не осталось и следа. Это преображение придало Сергею сил, и он с трудом выдавил из себя то, что вспомнилось первым:

– Я отказываюсь.

– Почему? – Аурика не отступила ни на шаг, продолжая теснить рослого Масляницына своей пышной грудью. В любой другой ситуации бойкий студент бы облизнулся при виде столь внушительного сокровища, но сейчас ему было не до соблазнов: перед глазами стояло лицо Георгия Константиновича, по которому скользила язвительная усмешка Всемогущего.

– Исключено, – повторил Масляницын еще одно слово из очереди запомнившихся. – Так будет лучше.

– Кому-у-у? – взмолилась измученная бестолковостью ответов девушка.

– Тебе, – нашелся Сергей и выставил вперед руки, пытаясь отодвинуть от себя разгоряченное существо с пылающими глазами и дергающимся ртом.

– Мне не лучше! – бросилась в бой Аурика. – Мне пло-

хо. Мы обо всем договорились. Я тебя ждала. Готовилась, как дура. Думала, наконец-то... Ты же сам говорил: «Давай, чтобы первая брачная ночь прошла на ура!» – процитировала она слова профессионального соблазнителя с комсомольским значком на груди.

Масляницын растерялся и не нашел ничего лучше, чем выборочно и очень по-своему повторить слова барона Одобеску про осведомленность курса, наличие тайной жены и боязнь огласки.

– Сама разболтала, – пригвоздил он Аурику к противоположной стене. – А у меня жена! Объясняйся теперь... Все знают: че и почем. А мне жить дальше. И вообще, если бы я знал, кто твой отец, разве б я сунулся! С тобой кто про свадьбу-то речь вел, чудо ты мое?! Кто чего обещал? – Масляницын раздухарился от собственной смелости и даже хлопнул свою одноклассницу по плечу. – Кто-о-о?

– Ты, – заплакала Аурика от невыносимой обиды, прослушав в тираде Сергея самое главное и обратив внимание на ключевые для себя слова: «свадьба», «жена», «жить дальше», «разболтала».

– Я-а-а? – возмутился студент Масляницын и словно раздулся от негодования. – Чего я тебе такого говорил? Сразу бы дала – вообще бы никаких разговоров не было. А так – и себя, и меня мучила. Подумаешь, целка! Не ты первая, не ты последняя. Замуж! И главное, кто тебя за язык-то тянул?!

– Я никому не говорила, – неожиданно спокойно произ-

несла Аурика.

– А ты подумай, – обронил Сергей и отодвинул ее в сторону: – Отойди.

Все стало ясно. Язык мой – враг мой. Никому доверять нельзя. О грандиозных планах Аурики знала единственная близкая подруга, с которой детали предстоящего события обсуждались громким шепотом по телефону. Значит, кроме нее, никто разболтать не мог. «Не Глаша же пойдет всем рассказывать!» – решила Аурика, даже не подозревая о том, как близка она была к горькой истине. «За предательство дают в морду!» – подсказала сама себе студентка Одобеску и отправилась на поиски заклятой подруги, чтобы раз и навсегда вычеркнуть из своей жизни человека, не оправдавшего ее ожиданий.

Эта удивительная способность Аурики вычеркивать из памяти тех, кто по той или иной причине навлек на себя справедливый гнев чернобровой красавицы, была хорошо известна ее домашним. Поэтому Глаша, опираясь на инструкции хозяина, продолжала заваривать успокоительные травы с завидным усердием, а Георгий Константинович продолжал вести с дочерью душеспасительные беседы о том, что «женщины в роду Одобеску всегда отличались стойкостью характера и стремились к улучшению породы...».

– Ага, – без энтузиазма выдавливала из себя Аурика. – Особенно дед с бабкой. Кем, ты говоришь, они друг другу приходились? Кузенами?

– Кузенами, – подтверждал Одобеску и одаривал дочь очередным ювелирным шедевром.

– Какой смысл все это на себя надевать? – бунтовала печальная Золотинка. – Кто на это смотрит?

– Все надевать и не требуется, – ласково успокаивал дочь Георгий Константинович. – В вопросах обладания красотой мера – главный критерий. А вот про то, что «никто не смотрит», это вы, Аурика Георгиевна, зря! Ей-богу! Смотрят! И мой вам совет: остерегайтесь тех, кто смотрит пристально и со знанием дела. Вот так, – показывал Одобеску, и выражение его лица менялось на глазах, становясь подозрительно хищным.

– Так на меня не смотрит никто, – жаловалась Золотинка и укладывала на плечо отцу свою тяжелую увитую черными кудрями голову.

– Так уж и никто?! – Георгий Константинович возвращался к своему прежнему образу. – Может быть, ты не видишь? Влюбленные женщины обычно дальше своего носа не способны ничего разглядеть. – Ты же влюблена? – неожиданно интересовался Одобеску и косо посматривал на смуглый профиль печальной Аурики.

– Нет, – опровергала Золотинка отцовские предположения и еле сдерживалась, чтобы не посетовать на то, что после истории с Масляницыным на нее вообще перестали обращать внимание. Смотрят, как на пустое место. Как будто ее и нет.

Если бы Аурика была чуть-чуть откровеннее, она бы рассказала отцу о постигшем ее несчастье и пожаловалась бы на одиночество. Но вместо этого она с явным вызовом дразнила Одобеску заявлениями о том, что вообще не выйдет замуж, потому что все человеческие отношения от долгого срока службы утрачивают свою ценность и превращаются в никому не нужные обязательства. И тот факт, что она росла без матери, с нянькой, – прекрасное подтверждение тому, что долгосрочные союзы превратились в анахронизм.

– Это неправда, – вступал в спор Георгий Константинович, прекрасно понимая, чем вызван протест дочери. – Семья, полноценный брак – это прекрасно. Вот что бы я делал, если бы у меня не было тебя?

«Или тебя», – мысленно повторяла про себя притаившаяся в прихожей Глаша, любовно поглаживая хозяйский плащ.

Аурика чувствовала, что в ее разговоре с отцом незримо присутствует третий, и кричала в сторону прихожей:

– Няня!

Глаша заглядывала в гостиную.

– Няня, – повторяла младшая Одобеску, – скажи: вот, если бы ты жила в другом месте, у тебя была бы семья, дети, своя квартира, ты бы расстроилась?!

Глаша кивала и в растерянности смотрела на Георгия Константиновича.

– Почему? – сердилась Аурика на бестолковую няньку. – Какая тебе разница?!

Одобеску с благодарностью смотрел на застывшую в дверях гостиной женщину и медленно произносил:

– Потому что, дорогая моя Золотинка, как там у вашего Островского: «Жизнь человеку дается только один раз, и прожить ее надо так, чтобы...»

– Знаю, знаю, – махала рукой Аурика. – Но при чем тут это? Вы что – прикованные к постели лежите?

– Вот это точно здесь ни при чем, – мягко останавливал ее Георгий Константинович. – Ты задала вопрос, на который можно ответить, только прожив другую жизнь. Ни у кого из нас – ни у меня, ни у Глаши – нет такой возможности. Значит, нужно быть благодарным за то, что ты имеешь. Я благодарен судьбе, – неожиданно пафосно произносил Одобеску, поднимаясь с дивана: – А вы, Глаша?

– Она благодарна, – отвечала за нее Аурика, даже не глядя на няньку.

– А ты? – аккуратно, без нажима интересовался отец.

– А мне за что быть благодарной?! – возмущалась девушка. – За то, что меня бросила мать? За то, что меня предала близкая подруга?! За то, что... – Аурика останавливалась, подбирала нужные слова и искривленным ртом произносила: – За то, что я толстая и на меня не обращают внимания мужчины?

– Какая глупость! – нервничал Одобеску. – А кто же сегодня провожал тебя из университета домой? Женщина?!

– Это Мишка! – прикикивала на отца раскрасневшаяся

в споре дочь. – И он меня бесит. Никто не просил его провожать. Сам увязался. А то я дороги не знаю?! И вообще – при чем тут это?

– Ты недовольна своей жизнью, – подводил итог Георгий Константинович. – И мне грустно. Кажется, я сделал все, чтобы было по-другому.

– Ты – да, – молниеносно соглашалась девушка. – А мама?

– А что мама? – спокойно уточнял Одобеску. – Мама хотела взять тебя с собой. Но я был против. Так что тут не мама виновата, а я, получается.

– Хорошо, – Аурика опускала голову. – А эта тварь? – она имела в виду бывшую подругу. – В этом тоже ты виноват?

«Определенно», – хотелось сказать Георгию Константиновичу, но он молчал.

– Глупый разговор! – заявляла Аурика и тут же взволнованно добавляла: – Глупый, и никчемный, и бестолковый, потому что ничего не меняет. Без мамы я как-нибудь проживу. Привыкла уже. Даже неинтересно. Тоже мне мать! Ни разу не попыталась узнать, как поживает ее дочь. Или попыталась? – с подозрением смотрела она на отца.

– Нет, – честно отвечал Георгий Константинович, чувствуя, что и своей вины ему хватает, брать лишнюю незачем.

– Вот видишь! – радовалась Аурика оправдательному вердикту. – Кстати, без этой гадины, – она снова вспоминала подругу, – мне тоже нормально. Уже привыкла.

На самом деле – это неправда. Без «этой гадины» плохо.

И скучно. И очень хотелось проорать домашним, папе и Глаше, что она ненавидит этого Масляницына, ненавидит всеми фибрами души, и вообще всех мужиков ненавидит, кроме папы, потому что от них одни неприятности, обиды и разочарования!..

А еще ей хотелось добавить, что она скучает – не столько по идиоту Масляницыну, сколько по тому, что они делали с ним вместе, по этим ощущениям, от которых ее тело покрывалось мурашками и там, внизу, все становилось влажным и горячим. И если бы не «эта сволочь», все так и было бы, даже лучше... А теперь – сиди и толстей от Глашиных плюшек, и жди, когда кто-нибудь куда-нибудь тебя позовет! Например, в «музэй», – передразнивала она своего на данный момент единственного кавалера, длинной и узкой тенью следующего за ней по пятам, вместо того чтобы властно взять за руку, как это делал Сергей, и потянуть на себя с такой силой, чтобы от неожиданности голова закружилась...

– Золотинка, девочка моя, – невольно читал ее мысли Георгий Константинович. – У тебя еще все впереди. Ты красивая, ты умная, ты – Одобеску.

– Одобеску, – чуть не плача, Аурика с жадностью выхватывала из рук отца протянутую конфетку. – Ты со мной, как с маленькой! – жаловалась она и засовывала конфету в рот.

– А ты для меня всегда будешь маленькой, – растроганно говорил Георгий Константинович и гладил дочь по голове.

– Мне двадцать лет, – напоминала ему его Золотинка.

– Тебе двадцать лет, – повторял Одобеску. – Но это ничего не меняет.

– Меняет, – бурчит с набитым ртом Аурика и смотрит на часы. Сейчас придет придурок Коротич и принесет ей очередной журнал, в котором описываются достижения науки и техники.

– Он ждет, – неожиданно вступала в беседу Глаша и показывала глазами на окно.

После ее слов отец и дочь Одобеску вскакивали с дивана и неслись к окну: на тротуаре стоял тщедушный Миша Коротич, сжимая под мышкой свернутый в трубку журнал.

– Скажи, что меня нет дома, – взрывалась Аурика.

– Почему? – всплескивал руками Георгий Константинович.

– Потому что меня он бесит!

И правда, бесит. Белобрысый, невысокого роста. И все время молчит. А рукой коснется – краснеет, как девочка...

* * *

Зато Георгию Константиновичу Миша нравится. Нравится своей отрешенностью и полной неосведомленностью в вопросах искусства. Ему все равно, кто перед ним: Мане или ранний Модильяни. Он не спрашивает о том, каков возраст китайской фарфоровой вазы, и ни о каких китайских династиях не имеет ни малейшего представления. А если что и

слышал, то естественным образом пропустил эту, для него пустую информацию мимо ушей. Он вообще к проявлениям внешнего мира глуховат, это барон Одобеску замечал неоднократно.

Миша Коротич для него являл тот тип человека, который тщательно выбирает, каким богам служить. И пока в его пантеоне их было только два: Аурика и математика. Со временем, предполагал Георгий Константинович, количество богов немного увеличится, но это будет нескоро. А пока Михаил Кондратьевич Коротич с гордостью носил знаменитую в научном мире фамилию отца и мечтал о карьере математика.

Своей матери, так же, как и Аурика, он никогда не видел, но благодаря воспоминаниям Коротича-старшего имел о ней четкое и благостное представление как о человеке утонченном и нежном. Во всяком случае, ее фотографии, развешенные на стенах отцовского кабинета, свидетельствовали именно об этом.

К браку своих родителей Миша Коротич относился с невероятным пиететом еще и потому, что этот не вовремя и так трагически распавшийся союз стал для него воплощением абсолютной любви и преданности. Умершая от родов мать словно и не исчезала из жизни невольного виновника своей смерти и своим незримым присутствием ограждала в муках рожденного сына от обвинений отца, так и не смирившегося с этой страшной заменой. И хотя он точно знал, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется, в своем слу-

чае старший Коротич мог утверждать обратное: меняется!

Став взрослым, Миша легко простил отцу периодически возникающую отчужденность в свой адрес. Как будущий математик, юноша видел тщетность отцовской теории, основанной на нахождении хорошо известной неизвестной. Отцовское уравнение не могло быть решено в принципе, потому что к нему приложила руку равнодушная Судьба, которой, в сущности, глубоко наплевать на научные законы.

В отличие от коллекционера Одобеску, пытающегося своим воспитанием стимулировать в дочери инстинкт продолжения рода, старший Коротич делал все, чтобы продемонстрировать сыну опасность серьезных отношений: «Боги завистливы!» – не уставал он повторять сыну избитую истину, сопровождая это, как ему думалось, подходящим советом:

– Не женись, друг мой. Терять – это так больно!

– Терять вовсе не обязательно, – как мог, сопротивлялся отцу Миша, но в ответ натывался на глухое молчание.

Младший Коротич задыхался в атмосфере вечной памяти по ушедшей: его собственное воображение рисовало ему живой образ матери, а отец настойчиво подводил его к холодному могильному камню, всякий раз произнося одну и ту же фразу: «Миша, скажи: «Здравствуй, мама»». – «Здравствуй, мама», – сначала с готовностью, а потом – с растущим сопротивлением произносил юный Коротич и рвался из кладбищенского холода домой. Прервать традицию еженедельных поездок на кладбище можно было, только уехав

на край земли. Но «край земли» не подходил будущему математику по одной-единственной причине: там не было высшего учебного заведения, где, как казалось юноше, и кипит настоящая жизнь. Поэтому он мечтал о переезде в Москву, невзирая на мощное сопротивление отца.

– Неужели мы не можем поладить? – недоумевал профессор.

– Я должен проложить себе дорогу самостоятельно, – упирался будущий студент мехмата МГУ.

– Но зачем?

«Затем, – мысленно отвечал Миша Коротич, – что я хочу жить по-другому. Не так, как ты: в окружении старых фотографий и маминых вещей. Я тоже люблю ее, но это не значит, что мы оба должны пребывать в непрекращающейся скорби. Я хочу совершать собственные ошибки. И даже если переезд в Москву – это ошибка, я никогда об этом не пожалею!»

Разумеется, ни о чем подобном младший Коротич вслух и не заикался: он просто молча делал свое дело, избегая общения с отцом, взгляд которого вызывал в нем тоскливое и гнетущее чувство вины. Поэтому, когда решение о переезде обернулось реальностью, ощущение вины в юноше усилилось. Профессор Коротич наотрез отказался сопровождать собственного сына в Москву и на сообщение о том, что тот стал студентом первого курса механико-математического факультета МГУ, отреагировал вяло, сопроводив это словами: «К чему изобретать колесо? От добра добра не ищут».

Понимая, что обижает сына, старший Коротич не находил себе места, переходя от одного портрета жены к другому, но признаться самому себе, что он просто тоскует по этому белобрысому и с виду тщедушному мальчику, ему не хватало мужества. «Временное неудобство, – пытался он рационально объяснить новые чувства, сидя в полумраке своего кабинета с давно остывшим стаканом чая в руках. – Выучится, вернется».

«Не вернется», – подсказывала ему интуиция, но он гнал от себя дурные мысли, пытаясь представить, что рано или поздно все будет хорошо.

Узнав о планах сына, приехавшего домой, в Ленинград, на первые в своей жизни студенческие каникулы, профессор Коротич понял, что мечтам не суждено сбыться. И, чтобы скрыть свое разочарование, предложил партию в шахматы. Впервые за столько лет его послушный и мягкий Миша отказался от игры, объяснив это тем, что хотел бы просто поговорить.

– Одно другому не мешает, – заметил отец.

– Мешает, – возразил ему сын.

– Тогда о чем ты хочешь со мной поговорить? – поинтересовался старший Коротич и подумал, что сын сейчас произнесет традиционное «о маме», но Миша молчал, видимо, размышляя над тем, в какую форму облечь мучительный для себя вопрос.

– Почему ты никогда не был со мной ласковым?

Профессор растерялся, и у него предательски задрожали руки. Чтобы скрыть это, он даже засунул их в карманы:

– Я не люблю все эти телячьи нежности. И потом – я никогда не опускался до криков в твой адрес. Никогда не унижал тебя лишними замечаниями. Всегда давал тебе право на самоопределение. Никогда не вмешивался в твои отношения с товарищами... Я уважал тебя и общался с тобой, как с равным. Откуда этот вопрос? Разве ты был чем-то обделен?

– Ты ни разу не погладил меня по голове, – опустил глаза, произнес Миша, понимая, что следующий вопрос, который он собирался задать отцу, может привести к полному разрыву между ними.

– Это неправда, – разволновался профессор и начал расхаживать по кабинету.

– Это правда, – продолжил его сын. – Знаешь, у меня всегда складывалось впечатление, что я тебе мешаю.

– Нет, – поторопился ответить старший Коротич, а через секунду добавил, присев рядом: – Хотя, если быть честным...

– Я так и думал, – проронил Миша и коснулся отцовской руки: – Но я же не виноват...

– А кто виноват? – чуть громче, чем обычно, произнес профессор. – Кто виноват в том, что ее не стало?

– Но ведь ты тоже...

– Что я тоже?

– Ты тоже имеешь отношение к моему рождению.

– Если бы я знал, что так будет, то настоял бы на том, чтобы Эмма отказалась от этой дурацкой идеи – иметь детей во что бы то ни стало. У нее было больное сердце, – смягчившись, объяснил он сыну и постучал по ручке дивана своими длинными пальцами. – Что это меняет теперь?

– Ничего. Но, знаешь, очень тяжело жить и постоянно чувствовать себя виноватым в маминой смерти.

– Какая глупость! – отрекся от своих слов профессор.

– Это не глупость, – не поддался на отцовскую уловку юноша. – Ты подчеркивал это всегда.

– Но я тоже живой человек, – сдался старший Коротич.

– И я, – напомнил ему сын и отвернулся. – Мне тяжело приезжать домой.

– А от меня что ты хочешь?

– Свободы, – самонадеянно потребовал Миша.

– Ты свободен, – молниеносно отреагировал профессор. – И ты можешь не утруждать себя ничем. Как-нибудь переживу. Мне не впервой терять близких.

– Папа, но я же не умер.

– Умер я, – отрешенно произнес старший Коротич и резко встал. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – автоматически ответил растерявшийся юноша и молча проводил взглядом выходящего из кабинета отца.

Это была их последняя встреча. И внешне она ничего не разрешила, даже, казалось, только усугубила разрыв между

родными людьми. Любовь между отцом и сыном, так повелось изначально, всегда имела привкус обиды, которая в случае с профессором усиливалась еще и от того, что сын не принял его мучительной жертвы ценою в целую жизнь. «Да и что эта молодежь знает о жизни?» – успокаивал себя старший Коротич, держа перед собой портрет жены. Впервые за столько лет его посетило ощущение бессмысленности своего существования, но не оттого, что не стало Эммы, а оттого, что по-настоящему опустел дом, по которому бродил задумчивый беленький мальчик, обделенный отцовской любовью. «Но ведь она была!» – бормотал себе под нос профессор и понимал, что надо бежать, искать исчезнувшего мальчика, просить о прощении, признаваться в собственной глупости, рассказывать о своих чувствах и говорить, говорить... Но с места не трогался и только в сердцах переворачивал портрет жены. На плотном картоне химическим карандашом была сделана запись: «На добрую память». «Тень тени», – профессор цитировал Платона и думал о своем. Было счастье, осталась тень. Была Эмма. Тоже тень. Он сам стал «тенью тени», и его сын вырос в тени. А теперь он из нее вышел и не хочет обратно. «Имеет право», – с грустью признался себе профессор и впервые за много лет заплакал с каким-то странным наслаждением. Сын хотел свободы, а на самом деле – свобода нужна ему, старому дураку! «Какой смысл жить дальше?» – спрашивал себя он и радовался тому, что знает ответ. Жаль, что так поздно. Нет, хорошо, что так поздно:

когда за плечами уже целая жизнь, и есть взрослый мальчик, и впереди – долгожданное освобождение от скорби буден. И все произойдет само собой, без всяких усилий с его стороны, просто потому, что пришло время...

Известие о смерти отца настигло младшего Коротича по возвращении из гостеприимного дома Одобеску, где Георгий Константинович, преисполнившись несвойственного для него доверия, показывал тому свою коллекцию ювелирных украшений, объясняя состав сплавов, чистоту камней и специфику огранки. Миша Коротич слушал отца божественной Аурики вполуха. Ну да, красиво. Разноцветные. Блестят. Глаз радуют.

Испытывая поклонника своей Золотинки на прочность, барон Одобеску за партией в шахматы задавал тому внешне ничего не значащие вопросы: о жизненных планах, об отношении к браку, к детям, к профессии. Ответы Коротича убеждали Георгия Константиновича в том, что сидящий перед ним молодой человек мог бы стать хорошей партией для его дочери. Не хватало одного: согласия самой Аурики.

– Бесит, бесит, бесит! – кричала девушка на отца, как только тот призывал ее повнимательнее присмотреться к поклоннику.

– Ну что тебя бесит, дитя мое? – поднимал брови Одобеску и готовил аргументы.

– Он ниже меня на голову.

– В нашем роду все женщины на голову выше своих му-

жей. Это не новость. Это дань традиции.

– Но ты же высокий, – парировала отцу Аурика.

– Ошибка природы, я уже объяснял. Да и потом, кроме моего отца, никто не пытался жениться на родственниках.

– Ну и что? Представляешь, как мы смотримся?

– Меня лично не смущает. Низкорослый мужчина умножает красоту своей женщины. Это общеизвестный факт. Твоя красота столь ослепительна, что небольшие погрешности во внешности партнера ей точно не мешают.

– А с чего ты вообще решил, что я хочу замуж? Ты что? Хочешь от меня избавиться?

– Упаси бог, Золотинка. Будь моя воля, я превратил бы тебя в камень и водрузил бы его на своем ночном столике.

– Ага, – смеялась Аурика, – а Глаша бы смахивала с него пыль и клала бы к его подножию лютики.

– Никаких лютиков, – вступал в игру Георгий Константинович. – Только лилии!

– Папа, ну хватит дурачиться. Я все поняла. Ты не хочешь, чтобы я выходила замуж!

– Ты меня разгадала! – хватался за голову Одобеску и одним глазом подмигивал Глаше. – Но все-таки я не стал бы с такой категоричностью отказывать небезызвестному молодому человеку.

Аурика собралась было вновь завести свою привычную песню о том, что Коротич – дурак, но вовремя спохватилась и выложила следующий аргумент:

– Между прочим, твой Миша просто мой товарищ. У него вообще в голове, кроме математических формул, ничего не задерживается. Он даже в кино о своей математике думает. Да он вообще в мою сторону не смотрит. Когда девушка нравится, ведут себя по-другому.

Георгию Константиновичу хотелось спросить: «Как Масляницын?», но вместо этого серьезно произнес:

– Аурика Георгиевна, не путайте робость с сухостью, а скромность с глупостью.

– Хороший мальчик, – осмелилась вставить Глаша и тут же опустила голову.

– Вот и выходи за него замуж! – захохотала Аурика. – Если он, конечно, не против.

– Место занято, – фривольно заявил Одобеску, нахмутив брови.

– Хватит, – оборвала развеселившегося отца дочь. – И так тошно...

Тошно было не только Аурике, но и Мише, трящемуся в сидячем вагоне поезда Москва – Ленинград и в сотый раз перечитывавшему скупой текст телеграммы: «скончался», «соболезнования», «коллеги».

Город встретил Михаила Кондратьевича дождем, но в этом не было ничего особенного: Ленинград есть Ленинград. Не привыкать. В квартире – соседи, коллеги отца и ни одного студента. «Они его не любили», – догадался Миша, не отрываясь глядя на портрет в траурной рамке. Знакомое недо-

вольное выражение лица. Строгий взгляд. Перерезавшая высокий лоб глубокая морщина. В гробу лежит другой человек. Спокойный и свободный.

– Сердце, – вздыхали присутствующие и торопились лично принести соболезнования, испытующе рассматривая младшего Коротича.

– Я знаю, – ответил он и опустил голову.

«Никакое это не сердце. Отец слишком долго ждал, когда это случится. Всю мою жизнь. Он же обещал маме. И себе: вот дождусь – и все, свободен. Он просто устал ждать, а когда перестаешь ждать, все происходит само собой. Так, как положено. И никто в этом не виноват: ни мама, ни я, ни он», – размышлял Миша, не сводя глаз с нового отцовского лица.

«Черствый мальчик», – перешептывались у него за спиной соседи. А Миша не был черствым – просто сдержанным, как и его отец. Откуда всем знать секрет, известный только отцу и сыну Коротичам, неожиданно воссоединившимся друг с другом при столь трагических обстоятельствах?

«Определенно – черствый», – повторяли, укоризненно переглядываясь, соседки. «Молчите, непосвященные! – машет крыльями сердитый ангел смерти. – Не мешайте им разговаривать. И так ничего не слышно. Приходится слух напрягать». У ангела своя работа. Самая что ни на есть обыкновенная, часто надоедает, потому что приходится делать дело в неподходящих условиях: стоны, слезы, плачь, вой. А есть легкие пациенты: ррраз – и все! Вот, например, этот. И па-

рень у него тоже сообразительный, как будто знает, сейчас не поговоришь – не успеешь. Ангелу больше всего нравится эта часть: последние «прости, клянусь, если б я знал...». Чаще всего такой текст, но некоторые по-другому разговаривают, молча, хотя слышно хорошо, потому что по существу.

«Я буду о тебе всегда помнить», – мысленно обещает Миша отцу и трогает его холодные руки.

«Я тоже», – знает ответ юноша.

«Ты не сердись, что я уехал».

«Давно было пора», – подсказывает ангел и голосом профессора повторяет:

«Давно было пора».

«Говорят, на том свете...»

«Всякое наговорить могут! Доподлинно неизвестно».

«Все равно, – мысленно обращается к отцу младший Коротич. – Передай привет маме».

«Всенепременно, – отвечает за профессора ангел и усаживается рядом с молодым человеком. – Все будет хорошо», – обещает он и легко касается плеча Миши Коротича, отчего тому кажется, что над лицом отца воздух приходит в какое-то странное колебание и возникает ощущение, что покойник дышит.

«Не может быть», – грустит младший Коротич и пытается запомнить незнакомый отцовский облик, вытесняющий из памяти тот, который оказался запечатлен на портрете...

В Москву Миша вернулся с ощущением гулкой пустоты. Подумал пойти к Одобеску, но не решился и долго блуждал по переулкам, расположенным поблизости к Спиридоньевскому. Больше всего на свете он боялся сейчас встретить легкомысленную Аурику, отнесшуюся к его исчезновению как к своеобразному избавлению от недужных, как она считала, отношений с неинтересным во всех смыслах представителем противоположного пола. И только проницательный Георгий Константинович вспоминал о симпатичном ему юноше с грустью всякий раз, когда в его доме появлялось очередное двуногое недоразумение с пустыми и жадными глазами.

– Мне кажется, или ты не находишь себе места? – с опаской спрашивал обеспокоенный отец, замечая, как меняется Аурика.

– Все нормально, – отмахивалась девушка и приводила в дом поклонника за поклонником.

– Я даже не успеваю их запомнить, – жаловался Георгий Константинович Глаше и с надеждой смотрел на календарь в ожидании начала учебы. «Девочка мечется, – успокаивал себя Одобеску. – Ей хочется любви».

– Какая любовь! – взбрыкивала Аурика. – Этого только мне не хватало! Ты же прожил без любви всю свою жизнь!

– Это чушь! – устало возражал Одобеску.

– Ах, да, простите, – язвила Золотинка. – Я совсем забыла: у тебя была тайная любовь за закрытыми дверями. Между

прочим, это ханжество!

– Ханжество – строить отношения, исходя из материальных и социальных характеристик.

– Да что ты, папа?! – сверкала глазами Аурика. – Не ты ли мне говорил: «Руби дерево по себе»?

– Это не я, – отказывался от авторства Георгий Константинович. – Это народная мудрость, активно используемая многочисленными представителями художественной словесности. Привести пример?

– Не надо, – бурчала Золотинка и рассматривала свои крупные руки с таким вниманием, как будто видела их в первый раз в жизни. – Знаешь что! Если рубить по себе, боюсь, топор будет не в кого втыкать – уж больно мелкая поросль. А мы, Одобеску, корабельные сосны.

– Только по комплекции, только по комплекции, – хлопотал отец и прижимал дочь к себе: – Аурика, посмотри вокруг! Неужели ты не видишь вокруг себя достойных людей? Что влечет тебя к этим бодрым спортсменам с дынями вместо рук?

– Какими дынями? – не понимала отца девушка.

– С этими, – объяснял Георгий Константинович и показывал на свои плечи. Аурика быстро понимала предложенный отцом ассоциативный ряд и смеялась над точностью его наблюдения:

– Это бицепсы.

– О-о-о-о, – картинно удивлялся Одобеску. – Мое золот-

ко стало разбираться в анатомии?! А что говорит историческая наука о роли бицепсов в создании семьи? Или этот факт учеными замалчивается?

– Ничего не замалчивается, – опровергала отцовское предположение Аурика и всерьез отвечала: – Вся история Древнего мира – это история бицепсов.

– Где я могу об этом прочесть, Золотинка?

– Везде! – торопилась девушка наконец-то закончить этот разговор.

– Я бы не прижился среди варваров, – делал вывод Одобеску. – С детства ненавижу все эти подъемы с переворотом и бессмысленное размахивание стопудовыми гири.

– Ты что-то путаешь, папа, стопудовых гирь не бывает!

– Увы, ты в этом разбираешься лучше, чем я, – сдавался Георгий Константинович. – Слава богу, я живу в наше время, когда помимо бицепсов ценится ум... – он замолкал. – И еще раз ум.

– Можно подумать, – отчаянно сражалась Аурика, – «ум и еще раз ум» – это исключительно свойство современного человека.

– К сожалению, нет, – голос старшего Одобеску становился строже. – И я вижу, что в последнее время тебя тянет именно к этим, с бицепсами. И мне вообще кажется, что ты с ними не разговариваешь!

– Почему?! – удивлялась Золотинка.

– Извини, конечно, но я не слышу. Вернее, слышу: или

смех, или полное молчание.

– А ты что? Подслушиваешь? – поражалась Аурика.

– Нет, – отрицал свою причастность Георгий Константинович, а потом сдавался и тут же заявлял: – Да. Конечно, подслушиваю. Все нормальные родители подслушивают и подсматривают за своими детьми, торопясь «подстелить соломку».

– Какую соломку? – пугалась дочь.

– Господи, Золотинка, ты закончила три курса исторического ликбеза, а до сих пор не знаешь смысла выражения: «Знал бы, соломку подстелил». Объясняю: всякий родитель старается предостеречь свое дитя от ошибок и только этим можно оправдать его вмешательство в личную жизнь отпрыска.

– По-моему, хватит! – кривилась Аурика. – Ты стал вмешиваться чересчур часто.

– Старею, – пытался усыпить бдительность дочери Георгий Константинович. – Становлюсь ревнив и подозрителен.

– Па-а-па, – тянулась к нему Аурика. – Ну, что ты, ей-богу?!

– Да, – капризничал Одобеску. – Я не успеваю запоминать в лицо твоих поклонников. Они меняются слишком часто. А ты даже не заботишься о том, чтобы мне их представить.

– Па-па! Зачем? Разве я тебя не знаю? Ты запоминаешь только тех, кто тебе нравится.

– Это нормально, – стоял на своем Георгий Константино-

вич, лихорадочно соображая, как бы ему вернуть упоминание о Мише Коротиче, столь неожиданно исчезнувшему с горизонта.

– Скажи мне, папа, тебе хоть кто-то из моих знакомых нравился?

– Нет, – мгновенно реагировал Одобеску. – То есть да. Один.

– Один?! – буквально подпрыгивала от возмущения Аурика, еще недавно плакавшаяся на отсутствие внимания к себе со стороны лиц мужского пола. – Попробую угадать. Уж не Коротич ли это?

– Как ты угадала, глупая девчонка? – рычал Георгий Константинович и поправлял волосы надо лбом.

– И чем же тебе этот валенок так нравится?

– У него есть принципы! – вставал на Мишину защиту Одобеску.

– Какие?! – стонала его дочь.

– Зачем тебе знать, глупое дитя?!

– Интересно, – не сдавалась не на шутку разозлившаяся Аурика.

– Если бы тебе было интересно, ты бы забила тревогу! Ну, на худой конец навела бы справки: куда делся этот юноша, безмолвно таскавшийся за тобой с журналом под мышкой? Да-а-а! Забыл совсем – он же ниже тебя на голову. Или на полторы?

– Твой Коротич испарился, не сказав ни здрасте, ни до

свиданья. Просто исчез – и все.

– А если у него обстоятельства?!

На шум в гостиной выглядывала Глаша.

– Няня, – призывала ее к ответу Аурика. – Тебе нравится Коротич?

– Миша? – переспрашивала Глаша.

– Вы что, сговорились?! – вскакивала девушка и с остервенением хлопала себя по бокам.

– Спокойно, – срывался Одобеску. – Спокойно, моя девочка. Зачем так нервничать?!

– Да потому что ты все решаешь за меня! – кричала Аурика и покрывалась пятнами.

– Княжна Тараканова! – ахал Георгий Константинович и бросался к полкам, уставленным альбомами с репродукциями. – Смотрите, – доставал он увесистый том, посвященный истории Третьяковской галереи, и быстро находил нужное изображение. – Точно! Одно лицо!

Аурика выхватывала из рук отца книгу и внимательно смотрела на репродукцию картины Флавицкого.

– Ничего общего, – отказывалась она признать сходство и, захлопнув альбом, швыряла на диван.

Георгий Константинович хватал дочь за руку и насильно усаживал рядом с собой.

– Ну, хорошо, хорошо, – соглашался он и гладил ее по голове. – Не хочешь быть княжной Таракановой, не надо. Но мне кажется, очень похоже. Смотрите, Глаша, – звал он

помощницу и предлагал подтвердить сходство.

– Нет, – отрицательно качала головой женщина и с жалостью смотрела на воспитанницу.

– Вот видишь, – злорадствовала Аурика.

– Вижу, – отвечал Одобеску и, усаживаясь поудобнее, хитро интересовался у Глаши. – А на кого похожа?

– На вас, – быстро отвечала женщина и прятала глаза.

– Слышала? – обращался Георгий Константинович к дочери. – На нас.

Маневр удался, Аурика разом обмякала и прижималась к отцу уже совершенно с другим чувством:

– При чем тут вообще княжна Тараканова?

– Да ни при чем, – отказывался от своих слов Одобеску. – Померещилось...

– Мне кажется, ты нарочно меня дразнишь.

– Нарочно, – соглашался Георгий Константинович. – Поэтому что «и в гневе ты прекрасна», дитя мое.

Аурике нравились слова отца, но она по привычке сопротивлялась:

– Вообще-то я не самозванка.

– Ты – нет, – устало выдыхал Одобеску. – Вокруг тебя – пустые самозванцы.

– Ты преувеличиваешь, – успокаивала его дочь.

– Имею право. Ты у меня одна. И все это, – Георгий Константинович обводил глазами гостиную, – ничего не стоит, если какой-нибудь самозванец украдет тебя у меня.

– Ты говоришь так, как будто...

– Я говорю так, потому что ты не разбираешься в людях.

Найди Коротича, Золотинка.

– О господи! Дался тебе этот Коротич!

– Мне не с кем играть в шахматы, – жаловался Одобеску и пытался скрыть улыбку, чувствуя, что цель близка.

– Поиграй со мной, – предлагала промежуточное решение Аурика.

– Ты занята, – притворно вздыхал Георгий Константинович, усыпляя бдительность своей Золотинки. – Каждый вечер ты исчезаешь из дома в неизвестном направлении и оставляешь меня одного. И ведь часто – почти до утра. Я волнуюсь. Мне грустно...

– Зато когда я дома, ты запираешься у себя в комнате.

– Все правильно: в гостиной ты пьешь чай с очередным самозванцем, а у меня пересыхает во рту, и я чувствую себя лишним.

– Ты ведешь себя, как ребенок, – начинала раздражаться Аурика, понимая, куда клонит отец. – Не ты ли сам неоднократно говорил мне о том, что парки и подъезды – не лучшее место для беседы?

– Я и сейчас так думаю, – признавал правоту дочерних слов Одобеску. – Но что-то подсказывает мне, что тебе не о чем с ними разговаривать.

– С какой стати?! И почему ты вообще считаешь возможным указывать мне, с кем общаться?!

– Ты не права, Золотинка. Я не указываю.

– Нет, указываешь! – взбрыкивала Аурика, вырываясь из отцовских объятий.

– Все равно, – улыбался Георгий Константинович, – найди Коротича. Вы же товарищи?

– Ну, – ворчала девушка.

– Вот и найди.

* * *

Отцовскую просьбу Аурика пропустила мимо ушей. Делать ей нечего. Исчез и исчез – скатертью дорога. Захочет – объявится. Никуда не денется! А не объявится – еще лучше. В сентябре все равно увижу. А пока лето – нужно получать удовольствие на полную катушку! Весь август. Потом будет некогда. Начнется учеба – не до того...

Вот Аурика и старалась изо всех сил, легко отзываясь на традиционное: «Хорошая погода, не правда ли?» Щедро раздавала номер своего телефона, принимала приглашения в кино, на прогулку, с готовностью отвечала на рукопожатия, доверчиво открывала губы для поцелуев и пару раз даже отправлялась в гости к плохо известным молодым людям, прихватив с собой для безопасности двух бывших одноклассниц, оставшихся коротать лето в городе.

И оба раза Аурика Одобеску сбегала из гостей в самый неподходящий момент по нескольким причинам: во-первых,

ей, как правило, доставался ухажер по остаточному принципу – на тебе, боже, что мне негоже, а, во-вторых, – ему точно не до беседы: он сразу, без объяснений, попытался перейти к «главному». Про то, как выглядит это «главное», девушка догадывалась. Но она так не хотела. Ей противно: чужой дом, смятая постель и вместо скатерти – газета, на которой разложено скудное угощение.

– Ну что ты носишься со своей девственностью, как с писаной торбой! – посмеивались над ней ее бывшие одноклассницы. – Ты зачем сюда поехала? Чай пить?

– Я так не могу, – пожимала плечами Аурика.

– Тогда зачем? – недоумевали девицы и щедро делились друг с другом подробностями вчерашней ночи. – Зря ты ушла, – сочувствовали они Аурике, самонадеянно считая ее наивной дурочкой, избалованной папиной дочкой.

– Больше не пойду, – зарекалась их одноклассница, но уже к вечеру наряжалась «на охоту».

– Какая красавица, – шептала Глаша ей вслед и запирала дверь на все замки.

– Это-то меня и тревожит, – огорчился Георгий Константинович и отправлялся к себе. Ему не до Глаши: перед ним не законченная с Коротичем шахматная партия, из суеверных соображений оставленная на доске до возвращения Миши – вдруг вернется! Но неожиданно, буквально через два часа, вернулась Аурика: брови сдвинуты, выражение лица кислое, от быстрой ходьбы испарина на высоком лбу.

– Ты рано сегодня, – вышел ей навстречу Одобеску, услышавший знакомую поступь. – Свидание отменяется?

– Нет, – скупо ответила девушка и прокричала Глаше, чтобы набрала ванну.

Георгий Константинович больше не задавал никаких лишних вопросов и снова прятался у себя, чтобы не попасться под руку явно чем-то недовольной Аурике.

«Что происходит?» – тревожился Одобеску, на цыпочках подкрадываясь к дверям в ванную, как будто по шуму льющейся воды можно догадаться, что именно. «Душно на улице», – подсказывала ему Глаша и робко гладила руку Георгия Константиновича, а потом, испугавшись собственной смелости, отдергивала свою и прятала ее в кармане фартука. «Наверное», – шептал встревоженный отец, в глубине души понимая, что дело совсем не в этом.

Через какое-то время Аурика вышла из ванной с угрюмым лицом. Решительно подошла к окну, раздвинула шторы, сощурилась от света и снова задернула их, наслаждаясь искусственным полумраком гостиной. «Так мне и надо!» – размышляла девушка и с особым сладострастием страдальцы вспоминала детали сегодняшней встречи у памятника Пушкину, где она обычно встречалась со своими одноклассниками перед тем, как пуститься в ежевечернее странствие в поисках удовольствий. «Сомнительных удовольствий», – честно призналась себе Аурика, но внутри что-то предательски екнуло, и она добавила: «Чертовски соблазнительных удо-

вольствий».

Своих приятельниц Аурика увидела сразу же, удовлетворенно отметив, что те стоят в окружении трех молодых людей пижонского типа. Издалека они показались ей воплощением мужественности и стиля. Отметив, что компания обратила на нее внимание, девушка радостно помахала им рукой и, втянув живот, чтобы казаться стройнее, направилась в их сторону.

– А вот и наш «крейсер «Аврора», – поприветствовал ее один из трех парней, оценивающе глядя на ее высокую грудь. – Что киль, что корма, – подмигнул он товарищам и протянул девушке руку, явно воодушевленный развязным хихиканьем ее подружек.

– Семен, – представился он оторопевшей Аурике и с силой потянул ее на себя.

За пять секунд компания оказалась разбита на парочки, о чем свидетельствовали быстрые и не в меру бурные объятия молодых людей. Аурика, оскорбленная приемом, с недоумением посмотрела на подруг, но ничего, кроме подленького злорадства, в их глазах не увидела.

– Как там тебя? – обратился к ней один из трех парней, имя которого девушке пока не было известно. – Ты, часом, не еврейка? А то – похоже.

Аурика, плохо понимая, что происходит, злобно поинтересовалась:

– А что? Есть какая-то разница?

– А нам – что еврейка, что грузинка, лишь цела бы серединка! – сдохмил Семен, вызвав приступ хохота у своих товарищей, и обнял Аурику таким образом, что его правая рука снизу коснулась ее груди. – Ого! Что-то есть!

Девушка спокойно отвела руку молодого человека и, не отрывая глаз от подруг, с вызовом переспросила:

– Поддержаться не за что?

Девчонки с пониманием переглянулись и хором зачирикали, противно растягивая слова:

– Аури-и-ика, ну, что-о-о ты-ы-ы! Ну, пусть ма-а-а-льчик потро-о-огает. Тебе что-о-о-о? Жа-а-алко?

Одобеску вытаращила глаза на бывших (это она сразу же решила) подруг и быстро нашлась, что ответить:

– А мальчику плохо не станет?

– Мальчику станет хорошо, – ответил за них Семен и ущипнул Аурику за попу.

От неожиданности она взвизгнула и залепила хаму затрещину.

– Ты что? Сдурела? – зашипел Семен и так сжал ее руку, что его собственные пальцы побелели от напряжения. Он явно был разгневан: знакомство приобретало какой-то неожиданно агрессивный оборот. – Ты чё руками-то машешь, ко-рова?

– Отпусти руки, сволочь! – вошла в раж Аурика и, колыхнув грудью, прошипела ему прямо в лицо: – Руки отпусти, я сказала.

Семен, заметив, что на них обращают внимание, попробовал обернуть все в шутку и, в очередной раз подмигнув товарищам, агрессивно обнял девушку и со всхлипом впился в ее губы.

– Горько! – мяукнули две дуры и прижались к кавалерам, посчитав инцидент исчерпанным. – Мы же говорили, поедет. Поломается – и поедет.

– Сволочь! – еле выдохнула Аурика и попробовала вырваться из стальных объятий.

– Какие мы грозные, – прищурился Семен и поцокал языком. По его выражению лица стало понятно, что он сдаваться не собирается. – Повторим?

Аурика дернулась, тот сжал ее еще сильнее и подтолкнул сзади, демонстрируя свою готовность с боем взять неприступную крепость. Почувствовав, как напряглось его мужское достоинство, девушка на ходу сменила тактику и сама прижалась к нему.

– Ну, вот, – ослабил хватку Семен, – теперь хорошая девочка.

– Я вообще хорошая девочка, – прошептала Аурика и повернулась к нему лицом, облизывая губы.

Семен, поддавшись на уловку, потянулся, и в этот момент раскрасневшаяся от борьбы Аурика Одобеску схватила его за член и сжала с такой силой, что у молодого человека перехватило дыхание.

– Дернешься, подонок, без детей останешься, – прошипел

ла она и сжала еще раз, как кошка, выпустив когти.

Ударом в грудь Семен отшвырнул ее от себя под громкий хохот своих приятелей:

– Иди к черту, паскуда!

– Мальчику стало страшно? – ехидно осклабилась Аурика.

– Поехали! – скомандовал Семен и направился в сторону метро, сопровождаемый участливо щебетавшими девицами на пару с обескураженными случившимися ухажерами. – Предупреждать надо, – донеслось до Аурики, и она, поправив на себе измятое платье, направилась к рядом стоявшей скамье.

– Присаживайтесь, юная леди, – проскрипел сидевший на скамье элегантно одетый пожилой мужчина и приподнял шляпу.

Аурика обрушилась рядом и истерично захохотала.

– Не надо расстраиваться, – не поворачивая головы, посоветовал мужчина и, дождавшись, пока девушка успокоится, тихо добавил: – Не та аудитория.

– Что? – опешила Аурика.

– Не та аудитория, смею заметить. Имел прискорбие наблюдать это полнейшее безобразие. Возмущен нынешними нравами, но не вмешался. Возраст, видите ли.

Девушка внимательно посмотрела на соседа по скамейке, мысленно просчитала возраст (не исключено, что ровесник отца, даже чуть старше) и с вызовом поинтересовалась:

– Никогда не знала, что у добропорядочности существует возраст.

– Существует, – подтвердил мужчина и внимательно посмотрел на сидящую рядом Аурику. – Позвольте представиться: Вильгельм Эдуардович.

– Аурика, – буркнула она и добавила: – Георгиевна.

– Не хотите ли, Аурика Георгиевна, составить мне компанию?

– Вам? – поразилась девушка.

– А что вас удивляет, прелестница? – ухмыльнулся мужчина и положил соседке на колено свою жилистую руку.

Аурика оторопела, не отводя взгляда от крупной мужской руки с длинным лакированным ногтем на мизинце.

– Это надо делать вот так, – чуть слышно произнес Вильгельм Эдуардович и, чуть надавив на колено, медленно заскользил по направлению к бедру. По спине Аурики поползли знакомые мурашки. Похоже, сидящий рядом с ней «старикан», как она его тут же мысленно окрестила, точно знал, что делает. Аурика, не отрываясь, смотрела на его руку, подмечая все новые и новые детали: желтые у ногтей пальцы, широкое и не совсем чистое ногтевое ложе, заскорузлые трещинки суставов.

– Что вы делаете? – наконец-то очнулась девушка и подняла голову.

– По-моему, вам приятно, – с пониманием улыбнулся Вильгельм Эдуардович и убрал руку. – У вас роскошная

грудь. Сколько вам лет?

Аурика, как загипнотизированная, правдиво ответила на вопрос:

– Двадцать.

– Я так и думал, – признался мужчина и положил ногу на ногу. – Дайте вашу руку.

Зачарованная Аурика с готовностью протянула ему ее.

– Породистая рука. Крупная ладонь, длинные пальцы. На вас дорогие украшения, – мимоходом отметил Вильгельм Эдуардович и поднес руку Аурики к лицу. – Какой запах, – простонал он и незаметно коснулся ее запястья языком. – Пойдемте со мной, юная леди, вы не пожалеете, – поднял он глаза на девушку и втянул носом воздух. – Какой божественный запах, – повторил Вильгельм Эдуардович и аккуратно положил руку Аурики ей на колено. – Вы девственница? – неожиданно откровенно спросил он и закусил нижнюю губу.

Аурика молчала.

– Можете не отвечать, я это чувствую. – Голос Вильгельма Эдуардовича становился все брутальнее, опутывая сознание девушки невидимыми нитями усиливающегося интереса.

Она вспомнила Масляницына, ровно на секунду. Но этой секунды хватило на то, чтобы понять всю никчемность его умений по сравнению с тем, что демонстрировал сидящий рядом с ней мужчина, по возрасту годящийся ей в отцы. Аурика почувствовала возбуждение и сжала ноги. Это движение не ускользнуло от внимательного взгляда Вильгельма

Эдуардовича. Он наклонился к ее уху и хрипло произнес:

– Я живу здесь неподалеку. Абсолютно один. И я не извращенец, если вас что-то пугает. Я настоящий ценитель. Вам нужен настоящий ценитель, эстет (Аурика тут же вспомнила слова Георгия Константиновича и поразилась), способный доставить вам истинное удовольствие, исследуя каждый сантиметр вашего великолепного тела. Целуя каждую складочку... – голос Вильгельма Эдуардовича становился все глуше, а желание Аурики все сильнее. – Пойдемте ко мне. Это безопасно, поверьте. Я не сделаю вам ничего дурного. Пойдемте? – Он неожиданно отстранился и обвел глазами сидящих на скамейках посетителей сквера.

– Куда идти? – спросила Аурика и тяжело поднялась со скамьи, боясь расплескать подкатывающее к самому горлу возбуждение.

Вильгельм Эдуардович поправил шляпу и, опираясь на трость, зашагал к выходу, не повторяя приглашения. Аурика успела заметить, что он прихрамывает на левую ногу. Девушка, как замороженная, шла за своим новым знакомым, боясь потерять его из вида. «Как крыса на дудочку», – подумалось ей, и вдруг стало страшно от собственной решимости проделать это прямо сейчас с абсолютно незнакомым человеком. «Что я делаю?» – пыталась образумить саму себя Аурика, но больше всего на свете сейчас ей хотелось, чтобы повторились те ощущения, которые она испытала от его прикосновений на скамейке сквера...

Вильгельм Эдуардович приостановился, обернулся назад и, кивнув головой, исчез в арке между домами на улице Горького. «Он уверен, что я иду следом», – догадалась Аурика, и ей стало не по себе. Она замедлила шаг и остановилась, понимая, что тот ждет ее внутри.

«А если я не пойду? Что будет?»

«Ничего», – прозвучало в голове голосом Вильгельма Эдуардовича. «Вот именно, что ничего», – решила Аурика и призналась сама себе, что ведет себя, как обыкновенная шлюха, пренебрегающая безопасностью ради удовлетворения своих низменных инстинктов. «Я не шлюха!» – запаниковала внутри Аурика и задрала голову, рассматривая лепнину вдоль края арки: на нее сверху уставился серый купидон с толстыми щеками и отколотым носом. Во взгляде искusstителя не было ничего живого: глаза без зрачков. «Это чтобы не стыдно было!» – осенила догадка Аурику, и она тут же проверила себя: ей стыдно не было. И страшно не было. И даже интересно: сможет она или нет вот так взять и отдаться незнакомому мужчине со странным именем Вильгельм. «Если вернется, – загадала Аурика. – Пойду». Вильгельм Эдуардович не вернулся, спокойно дожидаясь свою новую знакомую у подъезда. Он понимал щекотливость ситуации, всегда оставляя своим юным избранницам возможность выбора. Некоторые уходили. Другие покорно шли за ним в темное нутро подъезда, молча поднимались и, преодолев смущение, перешагивали порог его холостяцкой квартиры, словно со-

зданной для утонченных утех профессионального искусителя.

Пока Аурика Одобеску, задрав голову, замороженно рассматривала арочный декор, из прохода между домами прямо на нее вынырнула пожилая женщина благопристойного вида с клеенчатой сумкой в руках. Внимательно посмотрев на растерянную, как ей показалось, девушку, дама с готовностью предложила помощь, поинтересовавшись, не заблудилась ли та.

– Вы находитесь на улице Горького, – громко провозгласила она и ткнула пальцем на табличку с обозначением улицы.

– Я знаю, – скупно улыбнулась ей Аурика.

– Какой дом? – прокричала женщина, видимо, в силу возраста туговатая на ухо.

– Не знаю, – ответила ей девушка и еле удержалась, чтобы не спросить, не видела ли та элегантного мужчину с тростью в руке.

– А кого вы ищете? – незнакомка настойчиво предлагала помощь.

Аурика хотела сказать, что ищет Вильгельма Эдуардовича, но вовремя осеклась, догадавшись, что на самом деле его могут звать совсем по-другому: не Вильгельм, и не Эдуардович – просто Иван Иванович под какой-нибудь совершенно простой фамилией типа Иванов-Петров-Сидоров.

– Уже никого, – проронила девушка и поправила свои

невероятной красоты черные выющиеся волосы.

– Если хотите, – проскрипела дама, – я могу проводить вас до вокзала. Мне все равно, в какую сторону: туда или сюда...

– Спасибо, – Аурика наконец-то поняла, что та принимает ее за приезжую. – Я здесь прекрасно ориентируюсь.

Во взгляде пожилой женщины проскользнуло нечто, напоминающее недоумение, и она, смерив высокую девушку взглядом, разочарованно протянула:

– Я думала, вы приезжая.

– Нет, – покачала головой Аурика и манерно попрощалась: – Всего вам доброго.

– А вы москвичка, – дама словно не слышала, что ей говорят.

– Я москвичка, – наклонилась к ней красавица Одобеску и почувствовала какой-то специфический запах. «Так пахнет старость», – подумала Аурика, и ей стало жутко: когда-то и от нее будет пахнуть так же. «Не хочу, чтобы так!» – разволновалась она и прокричала на ухо доброжелательной даме: – Вам помочь?

Та отпрыгнула в сторону, покачала своей головой в седых кудельках и засемила в сторону гастронома. Аурика пошла следом за ней, плохо соображая, что же делать дальше. Но, дойдя до стеклянных витрин, опомнилась и стремительно зашагала в сторону пешеходного перехода на противоположную сторону улицы Горького. Ей захотелось домой с такой силой, что Аурика прибавила шаг и уже через несколь-

ко минут почти бежала вниз по своему Спиридоньевскому переулку с одной-единственной мыслью: залечь в глубокую ванну и смыть с себя всю грязь. Душа Аурики жаждала перерождения...

– Афродита, – окликнул ее отец и присел рядом: – Не помешаю, Золотинка?

– Как ты меня назвал? – глухо поинтересовалась девушка.

– Афродита, – улыбнулся Георгий Константинович. – Из пены рожденная. Чистая. Великолепная.

– Хватит, папа, – оборвала его дочь и попыталась отогнать от себя воспоминания.

– Ты грустишь, девочка?

– Грущу, – призналась Аурика. Ей хотелось плакать.

– Я тоже грущу, – повторил за ней Одобеску и начал жаловаться: – Твоя жизнь проходит мимо меня. Ты закрыта и неприступна. Я чувствую себя ненужным и старомодным. Знаешь, таким старым, растрескавшимся от долгих путешествий кожаным саквояжем. Каждый вечер я ощущаю себя стоящим на вокзале и провожающим поезд, в котором от меня уезжает моя дочь. Куда ты рвешься, Золотинка?

– Никуда я не рвусь, – прошептала Аурика.

– Это тебе так кажется, – остановил ее Георгий Константинович и поправил влажные пряди ее волос.

– Ничего мне не кажется.

– Я тоже был молод.

– Ты и сейчас молод, – еле заметно улыбнулась Аурика и нежно поцеловала отца в щеку. У барона Одобеску защемило в груди, он был растроган и еле сдерживался, чтобы потцовски не притянуть дочь к себе и не покрыть поцелуями ее смуглое личико, как это бывало в детстве, когда та была чем-то расстроена. Вместо этого Георгий Константинович предложил партию в шахматы.

– Не хочу, – отказалась Аурика. – Давай посидим просто так.

– И это предлагает мне неистовая Золотинка? – рассмеялся Одобеску, но на самом деле ответ дочери пришелся ему по душе. Ему нравилось сидеть в полумраке гостиной «просто так», не включая света. – А хочешь, – он испытующе посмотрел на Аурику, – поедem к морю? В Крым? В Абхазию? Когда еще получится вырваться?

– Не хочу, – односложно ответила дочь, и отец понял, что ее отказ не имеет ничего общего с девичьим капризом истеричной барышни.

– Почему?

– Какая разница? Москва? Море? Везде одно и то же. Это только в романах: уехали из столицы, остановились у моря и за ночь переродились. Так не бывает?

– Что же гнетет тебя, Золотинка?

– Не знаю, – нахмурилась Аурика и замолчала, потому что и правда не знала, как объяснить своему великодушно-му отцу, что происходит. Не рассказывать же ему про то, как

настойчиво, изо дня в день, она ищет подтверждения своей привлекательности, рискуя именем и элементарной безопасностью. Ищет – и не находит, получая взамен торопливое тисканье в темноте кинотеатров, или еще хуже – сомнительные предложения от незнакомых или почти знакомых парней, которым нет никакого дела до того, что ей нравится. Один Вильгельм Эдуардович чего стоит! Хотя вот с ним бы (Аурика на минуту представила) все могло бы быть по-другому. Но ей это тоже противно. Пальцем поманил – и пошла. «А, может, так и надо было сделать?» – засомневалась она, а потом вскочила с дивана и как ни в чем не бывало спросила:

– Мы ужинать-то сегодня будем?

– Будем, – подыграл ей Георгий Константинович и продолжил: – И не дома. Одевайся, Золотинка.

– Куда? – ахнула та.

– Поужинаем в «Колизее», – объяснил Одобеску. – Пусть Глаша отдохнет.

– В «Колизее»? – Аурика не сразу поверила в готовность отца приоткрыть завесу над своей мужской жизнью и впустить ее туда, куда «посторонним вход воспрещен».

– А что в этом особенного? – не понял природы дочернего изумления Георгий Константинович.

– Ты никогда раньше не брал меня в «Колизей».

– Было не время.

– А сейчас время?

– Сейчас время, – подтвердил Одобеску. – Потому что по-

том такой возможности может не представиться.

– Это почему же? – нахмурилась Аурика, обнаружив в словах отца какой-то трагический смысл.

– Это потому же! День-другой – и моя красавица будет ужинать в сопровождении другого мужчины.

– Папа, прекрати, – засмеялась девушка. – Пока – ты единственный мужчина в моей жизни!

– Это пока, – проворчал Георгий Константинович, но было видно, что слова дочери ему очень приятны.

Аурика оделась и вышла к отцу, на ходу поправляя на неуловимой по ощущениям талии кованный кубачинский пояс. Одобеску критически посмотрел на дочь и на минуту исчез в своей спальне, откуда вышел с продолговатым футляром в руках.

– Иди сюда, – подозвал он свою Золотинку к зеркалу и, обняв дочь за плечи, встал у нее за спиной. – Посмотри на себя.

Аурика послушно подняла глаза и увидела перед собой собственное отражение.

– Видишь?

– Вижу.

– А теперь закрой глаза, – приказал отец и не торопясь достал из футляра на первый взгляд неброское черненого серебра ожерелье с вкраплениями горного хрусталя. – Не подсматривай, – предупредил он дочь, внимательно наблюдая за выражением ее лица.

– Скоро? – начала поторапливать его Аурика, стора от любопытства.

– Скоро, – усыплял ее бдительность Георгий Константинович и медленно колдовал над хитрой застежкой.

– Ну! – не терпелось девушке.

– Сейчас, – пообещал скорое избавление Одобеску и расправил серебряную вязь на ее груди: – Готово!

Аурика секунду помедлила, а потом открыла глаза и внимательно посмотрела на собственное отражение. Оно стало явно красивее, чем было несколько минут тому назад. И не потому, что на груди у нее мерцали капли горного хрусталя, висевшие на тончайших, почти невидимых серебряных нитях, а потому что объявленная отцом игра придала ее лицу особое выражение таинственности.

– Глаша! – закричал Георгий Константинович, не способный в этот момент переживать восхищение дочерью в одиночку. – Посмотрите, разве моя дочь не прекрасна?!

Аурика прижала ожерелье к груди, пытаясь спрятать от Глашиных глаз изумительное по красоте украшение, а потом безвольно опустила руки и, зардевшись, дала домашним насладиться собственным великолепием.

– Красавица! – всхлипнула Глаша, для которой, как и для барона Одобеску, в Аурике не было никаких изъянов.

– Ну что ты, няня! – сопротивлялась очевидному ее воспитанница. – Такую красоту на кого ни надень...

– Нет, Золотинка, – строго прервал ее отец. – Ни один

камень не способен преобразить человека, сделать его краше, чем он есть на самом деле. Но зато он может усилить то, что в нас есть: красоту, благородство, ум, породу. Не случайно горный хрусталь называют осколками кристалла истины. Впрочем, что я тебе об этом рассказываю?! – остановил сам себя Георгий Константинович. – Алхимики Средних веков использовали этот камень в своих ритуалах.

– «Магический кристалл»? – подсказала отцу Аурика.

Глаша ничего не поняла, но тут же кивнула головой, демонстрируя свое полное согласие.

– Ну, – улыбнулся Одобеску, – можно сказать, что магический. Тебе очень к лицу, Золотинка. Ты вся словно светишься изнутри.

Ничего такого Аурика в своем отражении не заметила, но быстро поверила в магическую силу камня и даже пожалела о том, что так часто пренебрегала лекциями отца об удивительных свойствах камней, ставших украшением его ювелирной коллекции. Ей стало стыдно собственного равнодушия к отцовскому увлечению, и она попыталась реабилитироваться, предложив, при случае, рассказать ей еще что-нибудь.

– Обязательно, Золотинка, – с удовольствием пообещал величественный барон и приказал Глаше не скучать в их отсутствие.

Вернулись отец и дочь Одобеску под утро. Довольные

друг другом и жизнью в принципе. Георгий Константинович был недвусмысленно горд собой и собственным творением, на которое бросали восхищенные взгляды посетители и персонал «Колизея», поначалу принявшие Аурику за молодую пассию известного коллекционера.

– Они думают, что ты моя любовница, – откровенно признался он дочери и хмыкнул. – Не будем их разочаровывать?

– Папа, – засмеялась девушка. – Мы с тобой похожи, как две капли воды. Только слепой не заметит, что мы родственники.

– А как же магический кристалл? – шутливо надул губы Георгий Константинович и предложил дочери массандровского портвейна.

– Ну, если только на него рассчитывать?! – подыграла отцу Аурика и немного пригубила из протянутой рюмки. – Какой крепкий! – растерялась она. – А если я опьянею?

– С какой стати? – успокоил ее Георгий Константинович. – Это благородный напиток.

– Можно подумать, что к опьянению приводят только неблагородные, как ты говоришь, напитки.

– Пьяным, деточка, можно быть и без вина, – изрек старую истину Одобеску и заложил себе за воротник салфетку. – Приступайте к еде, дорогая Аурика Георгиевна. Да сложится наш вечер сегодня так, чтобы у вас о нем остались воспоминания на всю жизнь. Даже когда меня не станет, – просто добавил он и вооружился столовыми приборами. –

Не грустите, моя прелестная леди. Жизнь прекрасна!

С этим ощущением отец и дочь Одобеску бродили по вечерней Москве. Аурика потащила Георгия Константиновича к памятнику Пушкину, обещая показать место, где, как правило, до наступления сумерек негласно проводились «смотрины», а потом из-за этого многократного переглядывания сгущался воздух и начинал искрить стойким интересом сторон друг к другу.

– Ну, это не новость, – поражал дочь своей осведомленностью барон Одобеску и оценивающе смотрел на попадавшихся навстречу нарядных девушек.

– Папа, – сделала ему замечание Аурика, – ты, вообще-то, со мной!

– Я помню. Поэтому так и смотрю. Изучаю, так сказать, конкурентную среду.

– Что ты изучаешь? – опешила его дочь.

– Я изучаю «предложение». Между прочим, законы управления экономикой твоему отцу тоже известны. И я хочу тебе сказать, детка, их «предложение» не отвечает моему «спросу». Из чего я делаю вывод, что у нас с тобой, а точнее, у тебя конкурентная среда не сформирована.

– Папа, мы не на ярмарке, – вспылила Аурика. – Ты смотришь на этих девочек так, словно собираешься их съесть с потрохами.

– Да ты что?! – притворно изумился Георгий Константинович. – Неужели я выгляжу таким кровожадным? На самом

деле это моя гордость превращает меня в надменного старика.

– Ты не старик! – запротестовала девушка.

– Рядом с тобой – нет. Рядом с тобой – я молодой и красивый. Немного полноват, но моему костюму это несколько не мешает.

– Потому что ты – Одобеску, – подыграла отцу Аурика и повисла на его руке.

На статную пару оборачивались прохожие, сидевшие на скамейках провожали их взглядом, про себя сочиняя невообразимые истории их знакомства, в которых внешнее сходство – это знак судьбы.

– Пройдемся по Тверской, – предложил Георгий Константинович, используя старомосковское название улицы, и поцеловал дочери руку, подмигивая одним глазом. Аурика не возражала: «Играть так играть», – разрешила она сама себе и любовно провела рукой по отцовским волосам.

– Не дразни гусей, Золотинка, – прошептал ей Одобеску и, выпрямившись, одарил ее восхищенным взглядом.

«Красиво!» – призналась себе девушка и, преисполненная благодарности отцу, величаво пошла рядом, отбросив от себя двусмысленные впечатления последнего месяца жизни. Они лишние.

Спустя много долгих лет резкая в своих выводах Аурика Георгиевна заявила своим дочерям о том, что ее удачная женская жизнь – это результат мудрого воспитания Георгия Константиновича, чего не скажешь о них – четырех девицах Коротич.

– Как ты можешь?! – возмутилась старшая, Наталья, усмотрев в материнских словах неуважение к своему отцу, Михаилу Кондратьевичу. – Папа нас всегда поддерживал.

– Вас поддерживал, – надменно изрекла перевалившая семидесятилетний рубеж седовласая и очень полная Аурика, – а меня мой папа держал и удержал. Это, скажу я вам, не одно и то же. И вот в итоге – у меня счастливая женская судьба, а у вас что?

– Ты сама не понимаешь, что говоришь! – кричала на мать Наталья Михайловна, и за спиной у нее сверкали глазами три остальные сестры Коротич.

Об этом же в свое время беседовал с дочерью и барон Одобеску, периодически намекавший своему любимому дитя на ее удивительную неспособность усваивать жизненный опыт.

– Аурика Георгиевна, – покрикивал он. – Вас жизнь не учит! Отчего вам нравится наступать на грабли с завидным упорством?

– Потому что он меня бесит! – рычала разгневанная дочь,

в очередной раз выгнав из дома тихого Коротича.

– Вы – хамка, дитя мое!

– А ты сводник! – не оставалась в долгу Аурика и, захлебываясь, глотала воду, пытаясь успокоить пересохшее от возмущения горло.

– Потрудитесь уйти к себе! – не выдерживал Георгий Константинович, хватаясь за сердце.

– Вот только не надо! Не надо показывать, что я довела тебя до сердечного приступа, – визжала младшая Одобеску, размахивая руками, но требованию отца подчинялась безоговорочно. Однако, не дойдя до своего убежища, ныряла в Глашину комнату:

– Няня, ему, наверное, плохо. Вечно доведет себя, а потом я виновата! Накапай ему чего-нибудь сердечного.

Глашу дважды просить не было никакой необходимости: на прикроватной тумбочке в узкой граненого голубого стекла водочной рюмке уже благоухали разведенные в воде капли Зеленина, количество которых менялось в зависимости от накала страстей. Сегодня их было тридцать.

– Отнеси скорее! – торопила Аурика, и Глаша сломя голову неслась к Георгию Константиновичу, расхаживающему по гостиной взад и вперед.

– Спасибо, – не глядя, протягивал он руку и залпом опрокидывал в себя волшебное зелье.

«Сдался ему этот Коротич!» – бунтовала у себя в комнате строптивая Золотинка.

– Не хочет – не надо! – бушевал Георгий Константинович и через минуту стучался в комнату к дочери со словами примирения.

– Нельзя! – отказывалась общаться Аурика и проклинала тот день, когда отправилась искать пропавшего Коротича в студенческое общежитие.

К этому шагу ее подтолкнуло не столько желание встретиться со старым товарищем, сколько потребность угодить отцу, открывшемуся ей в тот знаменательный августовский вечер совершенно с неожиданной стороны. И еще ей было до крайности любопытно, в чем кроется секрет отцовской привязанности к самому неинтересному, как она думала, и скучному из ее ухажеров. Аурика по-прежнему продолжала считать, что Коротич – редкостный зануда, навевающий тоску на всех, кто появляется в его поле зрения. Тоски, по мнению Аурики, вокруг и так было предостаточно, но, если отец так хочет, она вернет Коротича на место, чего бы ей это ни стоило.

Знай Миша о том, какие мысли роились в кудрявой голове драгоценной Золотинки, он не потрудился бы даже спуститься с испачканных побелкой козел, чтобы поприветствовать гостью. Но неожиданное появление Аурики в стенах ремонтируемого к учебному году общежития обезоружило будущего математика, так и застывшего с малярной кистью в руках.

– Коротич! Слезай, – приказало ему заметно пополневшее

за то время, что они не виделись, божество. – Куда ты делся?

– У меня были дела, – растерялся Миша и послушно спрыгнул с шатких козел.

– Это не дает тебе права исчезать без предупреждения, – пожурила его Аурика, воодушевленная тем, как реагирует на нее это «чудо» с заляпанной краской газетой на голове. – Что у тебя случилось?

– С каких это пор ты стала интересоваться происходящим вокруг?! – неожиданно для нее не остался в долгу заметно осунувшийся Коротич.

– Это не я, – вспыхнула Аурика. – Папа хотел тебя видеть. Ему, видишь ли, не хватает партнера для игры в шахматы.

– Передай Георгию Константиновичу, что я обязательно его навещу.

– И все? – у Аурики странно сжалось внутри.

– А что еще? – потемнел лицом Миша.

Девушка разочарованно промолчала, чувствуя определенную враждебность в свой адрес:

– Глаша тоже о тебе все время спрашивает, – произнесла она через минуту.

– Спасибо ей, – только и ответил Миша и опустил голову.

– Слушай, Коротич, – вдруг смиростивилась Аурика. – Ну, я понимаю, что ты на меня обижен. Но ведь это не я исчезла в неизвестном направлении.

– Если бы исчезла ты, мне, правда, было бы легче.

– Чего? – Аурика не поверила своим ушам.

– Мне было бы легче, – еле выдавил из себя Коротич и снова опустил голову, словно стыдясь собственной смелости.

– Да что это такое происходит?! – возмутилась она и подошла к нему ближе. Парень отшатнулся, ударившись спиной о деревянную конструкцию. – Что ты от меня шарахаешься?! Я что, такая страшная?!

– Ты красивая, – выдохнул Миша и смутился.

– Т-т-ты, т-т-ты, – начала заикаться Аурика и автоматически сделала вперед еще один шаг.

– У меня отец умер, – буднично сообщил Коротич и все так же, не поднимая головы, переступил с ноги на ногу.

– Ка-а-ак? – ахнула Аурика и неожиданно для себя искренно огорчилась. – Давно?

– Скоро месяц.

– А почему же ты не сказал?

– А зачем?

– Ну, мы вроде как товарищи, – замялась девушка.

– Мы не товарищи с тобой, Аурика, – грустно улыбнулся Миша и покраснел. – Никогда не были. И не будем, – поторопился добавить он.

– Мне очень жаль, – протянула она к нему руку и как-то очень по-доброму коснулась его плеча.

– Испачкаешься, – буркнул Коротич и отодвинулся в сторону.

– Ну и ладно, – чуть слышно произнесла Аурика. – Ничего страшного.

– Точно.

– Придешь?

– К Георгию Константиновичу? – уточнил Миша, страстно желая услышать в ответ, что не только к Георгию Константиновичу. Аурика, набывчившись, молчала, почувствовав, чего от нее хочет Коротич. И ей хотелось сказать, что не только к нему, но дурацкая девичья гордость не давала ей раскрыть рта. С Мишей у нее не было связано никаких приятных воспоминаний. Наоборот – одно раздражение от его скованности и не по возрасту присутствующей стеснительности. Да и потом, он даже внешне не был ей приятен: блеклый, словно пылью подернутый. Но все равно его было жалко, и Аурика выдавила из себя:

– Почему только к папе? Вообще заходи. Только не приноси своих научных журналов: все равно читать не буду. Скучно.

«И сам ты весь скучный до невыносимости», – захотелось выпалить ей, но она удержалась и протянула Коротичу руку в знак примирения.

Миша смутился, вытер о штаны обе ладони, внимательно на них посмотрел, но руку девушке пожать не решился.

– Я приду, – пообещал Коротич и сдвинул брови, отчего его лицо приобрело на редкость свирепое выражение. – Пойдем, провожу.

По коридору они шли в почтительном расстоянии друг от друга: Миша впереди, Аурика на шаг сзади. «Как два вер-

блюда», – подумалось девушке, и она еле удержалась от того, чтобы не рассмеяться в голос.

– Слушай, Коротич, ты меня стесняешься?

– Почему? – опешил Миша.

– Ты бы еще на пять метров вперед от меня отскочил!

– Ничего я не отскочил: я тебе дорогу показываю.

– А то я ее не знаю. Не провожай дальше, а то увидят, – поддразнивала его Аурика, чем вводила в еще большее смущение.

– Ну и что?

– Будут думать, что я твоя девушка.

– Ты, конечно, не моя девушка, но я был бы не против, – в очередной раз осмелел Миша Коротич и обернулся к Аурике: – Хотя нет. Я – против. Против категорически. Больше всего на свете не люблю самонадеянных папиных дочек, убежденных в том, что если вокруг мир и существует, то исключительно для них и ради них.

– Тебе виднее, – не осталась в долгу оскорбленная Одобеску и неожиданно чмокнула своего провожатого в щеку. – Не забудь умыться, Коротич! Я же ядовитая, как и все папины дочки.

– Всенепременно! – прокричал ей Миша сверху, наблюдая, как та спускается вниз по лестнице, а потом чуть слышно добавил, потирая горящую от поцелуя Аурики щеку: – Я не против.

Известие о возвращении Коротича так вдохновило барона Одобеску, что он окончательно утратил покой:

– Рад. Очень рад, – повторял он все время, удивляясь самому себе. Этот юноша как-то неожиданного для самого Георгия Константиновича запал ему в душу, хотя их встречи можно было бы пересчитать по пальцам. «Десяток-другой сыгранных партий, а вот на тебе – скучаю», – признавался Глаше барон и радовался, как дитя, известию дочери о том, что она нашла этого «дурака Коротича» и «дурак явится». Во всяком случае – обещал.

Он и правда выполнил свое обещание, простояв не менее получаса в тот дождливый августовский вечер под окнами дома в Спиридоньевском переулке, так и не решаясь войти в помпезное парадное.

– Стоит, – объявила Георгию Константиновичу Глаша и аккуратно поправила портьеры.

– Где? – спохватился Одобеску и подскочил к окну.

Долгожданный гость торчал на тротуаре с букетом астр и с перевязанной бечевкой коробкой в руках.

– С цветами, – выдохнула Глаша.

– Вижу, – подтвердил Георгий Константинович и тут же добавил: – Золотинке не говори.

Глаша с пониманием кивнула хозяину и снова поправила портьеры, смахнув с тяжелой ткани какую-то невидимую ниточку.

– Тише, – шикнул на нее Одобеску. – Увидит.

Испуганная Глаша тут же испарилась из гостиной, укрывшись в кухне, где с волнением подошла к окну, чтобы снова удостовериться: стоит ли? Коротича внизу не было. «Неужели ушел?» – огорчилась женщина и, в задумчивости подойдя к раковине, включила воду – бухнула колонка, и в гофрированной трубе страшно загудело. Глаша вздрогнула, так и не привыкнув за много лет пользования к приветствию кухонного дракона. «Того и гляди, на воздух взлетим», – в который раз подумала женщина и выключила горячую воду – колонка натужно застонала.

– Гла-а-аша! – донесся до нее голос Аурики. – Мы сегодня ужинать будем?

– Будем, – себе под нос ответила женщина и загремела посудой. «Не решился, бедненький», – сделала она вывод и снова метнулась к окну: вдруг – там?..

Вместо «там» оказалось, что «здесь». В дверь позвонили. Глаша не тронулась с места, хотя в доме Одобеску дверь гостям обычно открывала она.

– Глаша, звоня-я-ят! – снова донесся до нее голос Аурики.

– Слышу, – снова себе под нос ответила женщина, но с места не тронулась, предполагая, что там и без нее обойдутся.

Дверь открыл взъерошенный Георгий Константинович.

– Ну, что же вы, батенька, – заискрился радостью Одобеску. – Бросили старика. Лишили старого брызгу умственной, так сказать, пищи. Но я рад...

Особой радости не выказала только Аурика, павой вы-

плывшая из своей комнаты.

– Здравствуй, Коротич! – поприветствовала она смущенного гостя. – Пришел? А я уж думала – не придешь.

– Это вам, – Миша от волнения перешел на «вы» и протянул дочери хозяина дома скромный букет августовских астр.

– Очень мило, – ехидно скривилась Аурика и положила цветы на банкетку.

От Георгия Константинович не ускользнуло дочернее пренебрежение к подарку, он тут же постарался исправить ситуацию и, повернувшись к дочери спиной, тайком от гостя показал ей кулак:

– Прелестные цветы, Миша. Что может быть прекраснее августовских астр?

– Августовские розы, – ответила за Коротича надменная девушка и протянула руку за коробкой: – Это что? Торт?

– Пирожные, – поправил ее Миша и вместо того, чтобы передать презент из рук в руки, поставил его на банкетку. Аурика так и осталась стоять с протянутой рукой. «А парень-то не простак», – отметил про себя Одобеску и запретил гостю разуваться.

– Ни в коем случае, – коснулся он плеча Коротича.

– Я так не могу, – покраснел Миша и снова нагнулся.

– Нет-нет, – настаивал Георгий Константинович и уже тянул гостя в комнату.

– Я, собственно говоря, к вам, – объяснил он цель своего визита, на что Аурика подняла свои брови и усмехнулась.

– Аурика Георгиевна, – строго произнес отец и сделал дочери страшные глаза.

– Не буду мешать, – картинно откланялась девушка и, резко повернувшись на каблучках своих домашних туфельек, отправилась в гостиную.

– К себе, – вернул ее Одобеску и, поддерживая Коротича под локоть, провел его в кабинет.

По пути в комнату оскорбленная Золотинка нарочито весело выкрикнула:

– Не буду мешать!

Весь вечер Георгий Константинович держал гостя у себя, отменив традиционный ужин и довольствуясь поданными Глашей закусками и чаем.

– Вы не голодны, Миша? – для приличия поинтересовался хозяин дома и тут же закрыл дверь в кабинете, сославшись на дефицит мужского общения: – Знаете ли, эти дамы!..

– Могу представить, – улыбаясь, поддержал Георгия Константиновича Коротич, недоумевая, к чему вся эта конспирация.

– Расскажите мне о себе, – попросил Одобеску и тут же объяснил свое любопытство: – Прикипел я к вам, милый человек.

– Да мне и рассказывать, Георгий Константинович, нечего.

– Это вы так думаете, – не согласился Одобеску и для спокойствия гостя подвинул к нему шахматную доску. – Сыгра-

ем партию?

Миша автоматически сделал первый ход.

– Неверно, – заметил Георгий Константинович, чем вверг гостя в полное изумление.

– Почему?

– Потому что ваша стратегия неверна. Золотинка – избалованная девчонка. Моя вина, – сделал ответный ход Одобеску. – Росла без матери. Хотел, чтобы ни в чем не знала отказа. Ваш ход...

Коротич коснулся рукой черной пешки, но раздумал и выбрал другую:

– Я не понимаю...

– Зато я понимаю. Опыт, если позволите. Что вы о ней думаете? – внимательно рассматривая комбинацию шахматных фигур, задал вопрос Одобеску.

– О ком?

– Ну не о пешке же, – быстро отреагировал Георгий Константинович. – Отвечайте честно: никакого лукавства. Я на вашей стороне.

– В смысле? – оторопел Миша.

– В смысле? В смысле – вы мне симпатичны. И вы, и ваши принципы. Но я не могу настаивать. Возможно, за время вашего отсутствия что-то изменилось и наш разговор абсолютно бессмыслен? Поставьте слона на место, он мешает вам думать.

Коротич послушно вернул шахматную фигуру на место.

– Вы понимаете меня, милый друг? – пронзительно посмотрел Одобеску на оглушенного Коротича. – Вы медленно реагируете на мои вопросы. Я начинаю сомневаться, имел ли право вообще затевать этот разговор.

– Что вас интересует? – Мишино лицо пылало, со стороны могло показаться, что температура воздуха в кабинете барона Одобеску достигла сорока градусов по Цельсию.

– Все, – незатейливо просто ответил Георгий Константинович и, коснувшись черной королевы, тут же исправился: – Но в первую очередь, конечно, она.

– Вы имеете в виду Аурику? – сознание Коротича требовало ясности формулировок.

– Разумеется, – откинулся на стуле довольный понятливостью визави Одобеску.

– Аурика мне нравится, – низко опустив голову, сообщил Миша.

– Я не понимаю это ваше «нравится – не нравится». Нравиться может соседка по лестничной клетке, актриса Любовь Орлова, пирожное эклер, новорожденные котята. Мне бы хотелось большей определенности. Любите ли вы мою дочь?

Коротич чуть не свалился со стула под натиском Георгия Константиновича.

– Я не слышу ответа, – почти прорычал Одобеску.

– Да.

– «Да» – это коварная частица, используемая мужчинами и женщинами для ухода от ответственности. Сопроводите ее

нужной интонацией, и вместо «да» выплывет гораздо более определенное «нет».

– Люблю, – выдавил Миша и поднял голову.

И тогда Георгий Константинович, не отводя взгляда от собеседника, пафосно заявил:

– Тогда вам мат.

– Мат?

– Полный мат, – подтвердил Одобеску. – И не может быть никакого компромисса.

– Но партия не закончена, – проямлил Коротич.

– Увы, – усмехнулся Георгий Константинович и уронил черную королеву. – Закончена. Как отец, я поставил вам мат. Вы – шляпа. Идете на поводу у моей капризной дочери, наивно предполагающей, что мужья – это не что иное, как приятное добавление к ее имперскому портрету. У вас мало шансов. Но они есть.

– Есть? – не поверил хозяину дома гость.

– Есть. Читайте русскую классику, молодой человек. Не обязательно русскую, любую другую. Аурику нельзя завоевать, руководствуясь математическими формулами. Ей нужна романтика. Бросьте ее.

– Я не понимаю, – взмолился Миша.

– Не валяйте дурака, юноша. И перестаньте смотреть ей в рот. Огрызайтесь. Назначайте свидания и не приходите, сославшись на занятость. Расскажите ей о своей первой любви, пожалуйста на гнетущие воспоминания, неутихающую

боль, которую вам причинила другая женщина. Наконец, скажите ей, что она вам не подходит, потому что выше вас на полторы головы, легкомысленна и не так уж хороша собой. Романтизм! Романтизм творит с женщиной чудеса, превращая ее из пантеры в домашнюю кошку. Кстати, – Георгий Константинович перевел дыхание, – вы хотите детей?

– Не знаю, – честно ответил Коротич, еще вчера не предполагавший такого поворота. Но его корабль был в руках многоопытного капитана, уже объявившего пассажирам о приближении Земли.

– Никаких «не знаю»! Пообещайте при случае дюжину, сопроводив это словами о том, что все они, как две капли воды, будут похожи на свою мать. Вот здесь смело пускайте слюни изо всех сил. Женщинам это нравится. Все остальное они дорисуют сами, сами поверят и сами предложат вам руку и сердце. Хотите?

– Хочу, – признался Миша и тут же добавил: – Но я так не умею.

– Я тоже, – засмеялся Одобеску. – Но это ничего не меняет. Дерзайте, мой друг!

Надо сказать, нарисованный Георгием Константиновичем план действий казался влюбленному Коротичу абсолютно нежизнеспособным. Самое большое, на что мог решиться бедный Миша, это на демонстративное равнодушие к великолепной Аурике, при приближении которой он по-прежнему покрывался алыми пятнами смущения и мог говорить

только об очередном головокружительном достижении советской науки. Стоило же им остаться наедине, как Коротич замыкался в себе и, скрестив руки на груди, скользил взглядом по потолку, не попадая отвечая на коварные вопросы младшей Одобеску.

– Зачем он к нам ходит? – донимала она отца одним и тем же вопросом.

– Не к нам, а ко мне, – строго поправлял дочь Георгий Константинович, явно недовольный замедленными реакциями будущего жениха.

– Ну, хорошо, – пожимала плечами Аурика. – К тебе.

– Мы товарищи, – объяснял Одобеску, не позволяя себе никаких намеков на истинные причины почти ежедневного появления Коротича у него в доме.

– А-а-а... – с пониманием тянула красавица и радовалась тому, что внимание ее бывшего, как называла его Глаша, «кавалера» теперь приковано исключительно к персоне отца. – Тогда ясно.

– Мы тебе мешаем? – интересовался Георгий Константинович, сознательно подчеркивая свою с Мишей отчужденность от Аурики.

– Нет, – успокаивала его дочь, но внутри что-то непривычно поскребывало: то ли обида, то ли разочарование. Прекрасная Золотинка гнала прочь незнакомые ощущения и, открыв дверь гостю, привычно сообщала: – Отец у себя в кабинете, Коротич. Ждет-с, – язвила она и стремительно уда-

лялась.

– Аурика Георгиевна, здравствуйте, – галантно приветствовал ее Миша и успевал увидеть только ее широкую спину с полукругом вьющихся волос.

За несколько месяцев постоянных посещений Коротич стал своим в доме. Глаша привычно готовила ужин на троих и загадочно улыбалась, накрывая стол. Интуитивно она верила, что выкладывает столовые приборы возле тарелки будущего зятя Георгия Константиновича, но из суеверных соображений помалкивала и тайно молилась о надлежащем исходе дела, осуществлявшемся под руководством барона Одобеску.

Во второй половине декабря Георгий Константинович сделал своему товарищу Михаилу Кондратьевичу Коротичу, как иногда он называл юношу во время конфиденциальных совещаний в кабинете, официальное предложение, суть которого сводилась к совместной встрече Нового 1952 года.

– А как же? – Миша показал глазами на дверь, подразумевая Аурику.

– А так же, – кивнул головой Одобеску и потер ладони.

– Я пригласил Михаила к нам на встречу Нового года, – спустя несколько дней объявил Георгий Константинович домашним и приготовился выслушать претензии возмущенной Золотинки.

– С какой стати?! – завизжала Аурика и даже выскочила из-за стола. – Почему я должна встречать Новый год с этим

идиотом?

– Вы оскорбляете моего гостя! – Одобеску повысил на дочь голос. – Это непозволительно.

– Но я не хочу! – чуть не заплакала девушка. – Почему никто со мной не считается? Разве мое мнение больше ничего не значит? Новый год – это семейный праздник. Мы никогда не отмечали его с чужими людьми. Зачем он тебе сдался?

– Миша – мой товарищ, – завел старую песню Георгий Константинович. – И притом – он придет к нам не один.

– Не один?! – одновременно воскликнули Аурика и Глаша.

– Не один, – подтвердил Одобеску и заложил руку за воротник своего «домашнего пальто». – Он придет со своей избранницей. Похоже, в его жизни наметились серьезные изменения.

– Тогда я уйду из дома! – пригрозила отцу раскрасневшаяся Золотинка.

– Зря ты кипятишься, – мягко поставил дочь на место Георгий Константинович. – Мальчик недавно похоронил отца. Мы – его единственные близкие люди. Ему важны наша поддержка и одобрение. Неужели нельзя укротить свой нрав и оказать моему товарищу уважение? В конце концов, никто не запрещает тебе пригласить для парности молодого человека, если тебя так все это смущает.

– Ничего меня не смущает, – огрызнулась Аурика. – Мне вообще все равно.

— Ну, раз тебе действительно «все равно», то я прошу тебя выступить хозяйкой дома и с честью принять моих гостей, — торжественно произнес Одобеску и тут же ласково добавил: — Умница моя, Золотинка...

— А если я все-таки уйду?

— Ты вправе принять любое решение, — завершил разговор Георгий Константинович, на корню пресекая желание Аурики разбушеваться. — Делай, как считаешь нужным.

Никогда еще Аурика Георгиевна Одобеску не чувствовала себя так неуверенно: никто ее не уговаривал, никто не упрасивал: просто «делай, как считаешь нужным», и все. Аурику точила обида. На отца. На придурка Коротича. На Глашу, не сказавшую ни одного слова в защиту ее, между прочим, законных прав.

Девушка всерьез подумывала уйти встречать Новый год на сторону, но, как назло, не поступало никаких предложений. Похоже, ее персону не представляла особого интереса ни для сокурсников, ни для бывших одноклассниц, канувших в Лету после той знаменательной истории около памятника Пушкину. Подруг у Аурики не было, и понятно почему: дружить она не умела, наивно предполагая, что если друзя для чего-то и существуют, то, очевидно, ради того, чтобы скрасить ее незамысловатые будни. Королевна требовала преклонения, обожания, немыслимого терпения и вечно хорошего настроения, подкрепленного скользкой улыбкой на лице товарища. Другого к себе отношения Аурика не при-

нимала, подозревая всякого, кто выказал ей так или иначе свое неудовольствие, в склонности к предательству и нечистым помыслам.

– У нее нет подруг, – сетовал Георгий Константинович и с надеждой смотрел на задумавшегося над ходом Коротича.

– А? – отрешенно поднимал он голову.

– У нее нет подруг! – громче говорил Одобеску и одним пальцем раскачивал не подходящую для игры пешку.

– Ну, я-то точно ее подругой не стану, – усмехался Миша и объявлял шах.

– Нет, милый друг, не считается, – юлил Георгий Константинович. – Вы застали меня врасплох.

– Вы тоже в этом смысле не отличаетесь особой щепетильностью, – посмеивался Коротич, вспоминая свое возвращение в дом Одобеску.

– И что делать?

– Ждать! – изрекал Миша и торопился раскланяться.

– А ужин?

– Ужин подождет, – успокаивал Георгия Константиновича Коротич и шел в прихожую, где наготове, с пальто в руках, стояла Глаша, жалея «мальчика», потому что и не «пальто вовсе, а срам один», – выговаривала она хозяину, дипломатично намекая, что так наша «избалованная в его сторону и смотреть не станет».

– Станет, – улыбался Одобеску, зарывшись в Глашины раскинутые по подушке волосы. – На все время нужно.

– Не знаю, – осмеливалась усомниться женщина в правоте хозяйских слов и целовала Георгия Константиновича в плечо.

В канун Нового года Аурика взбрыкнула по-настоящему, поставив отцу условие: или я, или он.

– Конечно, ты, – поторопился успокоить ее старший Одобеску, ломая голову над тем, как сохранить отношения с дочерью и одновременно не отступить от намеченной стратегии.

– Тогда скажи, что я заболела, и отмени встречу.

– Ты заставляешь меня лгать?! – картинно мрачнел Георгий Константинович и грустно смотрел в глаза дочери.

– А ты меня не заставляешь лгать?! – возмутилась Прекрасная Золотинка и набрала в грудь побольше воздуха, чтобы наконец-то проорать отцу все, что она думает по этому поводу.

– Хорошо, – неожиданно для Аурики сдался Одобеску, но, вспомнив, что «хитрость города берет», схватился рукой за сердце и направился к себе в спальню. – Хорошо. Как скажешь, – донеслось до взбешенной Золотинки, и ее гнев испарился сам собой, оставив вместо себя ощущение какой-то недосказанности. Аурика Одобеску жаждала генерального сражения, а в ответ получила – полную и безоговорочную капитуляцию. Это настораживало.

– Папа, – крикнула вслед отцу девушка и бросилась за ним.

Георгий Константинович прибавил шагу и захлопнул перед носом дочери дверь: Аурика только и услышала, как щелкнул замок.

– Оставь меня, – томно отозвался барон Одобеску из-за двери и, торжествующе улыбаясь, трагично произнес: – Я буду думать, как выйти из этого неудобного положения. Из этого вопиющего пердимонюкля.

– Из чего? – напряглась девушка, услышав неизвестное слово.

– Пустое, – артистично проронил под дверью Георгий Константинович и специально шумно вздохнул, таким образом пытаясь остановить рвущийся изнутри смех. Чем сильнее он вживался в образ обиженного дочерью отца, тем веселее ему становилось.

– Папа, – засуетилась Золотинка, по наивности вступившая в развязанную бароном игру. – Тебе что? Плохо?

– Да, – произнес Одобеску, но дверь не открыл, опасаясь провала. – Мне очень плохо. И у меня болит сердце. А еще больше болит душа. И пусть Глаша нальет мне капли Зеленина, хотя до этого я ни разу не слышал, чтобы это снадобье помогло человеку сохранить свою честь незапятнанной.

– Папа, – напугалась Аурика. – Ну, хочешь, я сама принесу тебе капли?

– Нет, – Георгий Константинович намеренно оставался неприступным.

– Ну почему?

– Потому что... (Одобеску перевел дыхание.) Потому что ты поставила под удар мою честь, Золотинка! Я не знаю, как отменить приглашение! Но! Но, если моя девочка на этом настаивает, я сделаю так, как она хочет.

После этих пафосных слов в душе Прекрасной Золотинки снова зашевелилось сомнение: уж очень нетрадиционно вел себя отец, обычно уступавший только в том случае, когда удавалось убедить его в нецелесообразности того или иного шага. А сейчас все его жесты и слова отдавали какой-то театральностью, и, к тому же, он прятался у себя в спальне, как лис в норе, вместо того чтобы, как обычно, взять ее, Золотинку, за руку, посадить рядом и поговорить спокойно.

– Папа! – задергала дверную ручку Аурика и для пущей убедительности даже пнула дверь ногой: – Открой мне.

– Зачем? – Георгий Константинович, услышав непривычную для себя интонацию, насторожился.

– Открой! – снова потребовала дочь, навалившись плечом на дверь.

– Нет, – в очередной раз дал отпор барон, не переставая ломать голову над тем, как действительно выкарабкаться из этого «пердимонюкля». Игра, похоже, затянулась и могла закончиться для него полным поражением.

Тогда Георгий Константинович решил сменить тактику и неожиданно открыл дверь.

– Где мои капли? – зычно прокричал он в коридор, намеренно не замечая дочь.

– Капли? – Аурика была девушка неглупая и быстро сообразила, что к чему.

– Да, капли, – высокомерно посмотрел на нее отец и попытался выйти из комнаты.

– Ах, капли, – протянула дочь и, глядя отцу в глаза, ехидно уточнила: – Зеленина?

– Зеленина, – дрогнул Одобеску и сделал шаг назад.

– Ты что? Нарочно все это придумал?! – зашипела разгадавшая отцовский ход Золотинка. – Чтобы я испугалась? Да?!

– Да! – впервые за много лет вышел из себя Георгий Константинович и чуть не «выпрыгнул» из своего «домашнего пальто», в карманах которого он держал руки, чтобы ненароком не залепить своей дочери затрещину. – Да! Потому что ты эгоистка! Черствая! Холодная! Не способная принимать человека таким, какой он есть! Придумала себе черт-те что! Принцы! Гамлеты!

– Принцы?! – ехидно и спокойно переспросила Аурика. – Гамлеты? Кому нужны твои Гамлеты, безнадежный романтик? Это Коротич-то у тебя Гамлет? Да он без логического обоснования, выраженного в логарифмах, стакана воды не выпьет, потому что это, видите ли (она очень точно передразнила своего ухажера), «нецелесообразно». И кто дал тебе право распоряжаться моей жизнью? Диктовать мне, с кем общаться? С кем не общаться? (Девушка прекрасно знала, что в ее словах не так уж много правды, но сдаваться не

собиралась принципиально). И почему ты навязываешь мне своего Коротича, игнорируя все, что не входит в твои планы? Мы что? Плохо без него жили? Ты же обходился без него как-то двадцать один год? А теперь – планы?! Какие у тебя планы, папа? Поскорее выдать меня замуж и наконец-то зажить спокойно со своей кухаркой?!

– Не смей называть Глашу кухаркой! – разбушевался Одобеску.

– А кто мне это может запретить?

– Я! – взвизгнул барон и автоматически схватился за сердце: защемило на самом деле.

– Ну, а вот это – совершенно лишнее, – смирившись, сказала его дочь, родная дочь и собралась было повернуться на сто восемьдесят градусов, но не успела, потому что Георгий Константинович побледнел и, схватившись рукой за косяк, начал оседать вниз.

– Глаша! – заголосила Аурика и бросилась к отцу.

– Уйди, – с трудом вдохнул в себя воздух Одобеску и закрыл глаза.

– Глаша, – только и успела вымолвить Прекрасная Золотинка, обмирая от страха: по отцовскому лицу разлилась свинцовая бледность.

В этот вечер Георгию Константиновичу капли Зеленина не понадобились: вместо них ему было предложено место в Первой градской больнице, от которого барон Одобеску категорически отказался, ссылаясь на надвигающийся празд-

ник в кругу семьи.

– Гусарничаєте, батенька, – сделал ему замечание пожилой доктор и, приложив палец к губам, посчитал пульс у больного. – Нервишки, немолодой человек! Не по возрасту, знаете ли. И вы, барышня! Беречь надо папеньку, беречь и не перечить. Правда, мамаша? – обратился он к заплаканной Глаше. – Покой и никаких излишеств. Слышите меня?

Глаша старательно закивала головой, как будто от нее в действительности что-то зависело, и схватила доктора за руку:

– Скажите...

– К профессору Лукашику. Рекомендую. Сам пользуюсь и, как видите, жив-здоров, чего и вам желаю. И еще раз: покой, покой и покой. Понятно?

«Еще бы непонятно», – хотел ответить Георгий Константинович, но не решился и просто прикрыл глаза в знак согласия.

Пока Глаша провожала бригаду «Скорой помощи», Аурика зачем-то переставляла с места на место какие-то склянки, избегая смотреть в сторону, где лежал отец.

«Доигрались», – пробубнила она себе под нос и попыталась прочесть название лекарства на пустой большой ампуле с неровным сколом.

– Не видно? – еле слышно поинтересовался Георгий Константинович, не переставая ни на секунду наблюдать за своей Золотинкой.

– Магния сульфат, – все-таки прочитала девушка и с виноватым выражением лица присела на отцовскую кровать.

– Надо найти Михаила, – попросил ее Одобеску. – И отменить визит. Скажи, что болен. И никогда больше не говори о болезнях в моем присутствии: ты меня сглазила, – проворчал Георгий Константинович, в ряде вопросов суеверный до жути.

– Ты это серьезно? – не поверила своим ушам Аурика. – Я, между прочим, про себя говорила.

– Нет никакой разницы. Ты и я – одно целое.

– Ты мне тоже наговорил – мало не покажется! Тебя послушать, так хуже меня нет никого на свете. Возьми свои слова обратно.

– Извини меня, Золотинка, – попросил прощения Одобеску.

– Ты тоже меня извини, папа. Я сделаю так, как ты хочешь.

– Не надо, – великодушно отказался Георгий Константинович от намеченных планов. – Я же болен, – усмехнулся он и потянулся к дочери.

– Это ненадолго, – хихикая, встречно нагнулась к нему Аурика. – Придет Глаша, поплещет на тебя святой водичкой, протрет все дверные ручки в доме, заставит тебя это выпить, и к утру ты проснешься розовощеким младенцем. Вот увидишь.

– Твои слова да Богу в уши, – поддержал ее отец и поцеловал дочери руку. – Все-таки ты невыносима.

– Ты тоже, – не осталась в долгу девушка, и хрупкий мир в семье Одобеску был восстановлен.

* * *

Тридцать первого декабря в квартире царило непривычное для всех спокойствие. Сутилась только Глаша, то и дело хлопая холодильником для того, чтобы впихнуть в него очередную порцию закусок.

– Ты готовишь, словно на свадьбу, – сделала ей замечание Аурика и влезла пальцем в кастрюлю с остывающим заварным кремом. – А потом все выставишь на стол и спрячешься у себя в комнате. И охота тебе?

– Так как же? – удивилась немногословная нянька. – Новый год все-таки. Гости.

– А то тебе нужны эти гости, – хмыкнула младшая Одобеску.

– Георгий Константинович приказал, – сослалась Глаша на хозяина.

– Твой Георгий Константинович посидит за столом полчаса и ляжет спать. А мне – развлекай ваших гостей! Как будто заняться больше нечем, – посетовала Аурика, но дальше развивать мысль не стала, вспомнив, чем закончилось ее последнее выступление. – Няня, тебе что, все равно, как отмечать Новый год?

Глаша молчала. Кажется, ей действительно все равно: Но-

вый год, не Новый год. Какая разница. Как Георгий Константинович скажет, так она и сделает. Скажет, Новый год в сентябре, будет в сентябре, скажет – в мае, будет в мае. Ей все хорошо, все ладно.

А Аурике было не по себе: она ходила из угла в угол, периодически натываясь на мурлыкающего себе под нос отца, весь день пребывающего в приподнятом настроении.

– Чему он так радуется? – зудела Прекрасная Золотинка, зорко высматривая, чего бы еще стащить из-под ловких нянькиных рук.

– Так гости же, – снова повторила Глаша и поскребла ложкой по фарфоровой чашке, перетирая кусок сливочного масла с сахаром. Аурика поморщилась от неприятных звуков и, открыв дверь холодильника, внимательно изучила его наполненное угощениями нутро. – Мы обедать сегодня будем?

– А? – вздрогнула увлеченная процессом нянька.

– Понятно, – подытожила девушка. – Не будем.

– Вся ночь впереди, – обнадежил ее подтянувшийся на кухню отец и тоже заглянул в холодильник. – Глаша, а где селедка?

– Селедка? – непонимающе посмотрела на него женщина.

– Селедка, – повторил Георгий Константинович, не обращая внимания на благоухающие разносолы. – Водку я чем буду закусывать?

– Какую водку?! – возмутилась Аурика.

– Обыкновенную, дитя мое, ледяную, из лафитника.

– Так нельзя же, – осмелилась Глаша высказать свое мнение.

– Можно, – лукаво улыбнулся хозяин. – Ради удовольствия – все можно. Ни одному здоровому человеку это еще не повредило.

– Здоровому – нет, – поддержала Глашу Аурика.

– А кто из вас болен? – изумился Георгий Константинович и потребовал, чтобы селедка обязательно присутствовала на столе.

К вечеру и селедка, и салаты, и заливное из судака ждали своего часа в полутемной гостиной. По заведенной многолетней традиции барон Одобеску запретил включать свет до одиннадцати, не отступая от этого правила ни на шаг даже сегодня.

Последние пятнадцать минут до означенного часа Георгий Константинович расхаживал по коридору, периодически останавливаясь около зеркала для того, чтобы в сотый, наверное, раз поправить шелковый шейный платок. А еще он волновался и старательно прислушивался ко всем звукам, доносящимся из парадного. Придуманная им же самим история знакомства с выдуманной избранницей Коротича щекотала его нервы.

Одобеску подошел к зеркалу, поправил волосы и, прокашлявшись, произнес: «Вы один?» По мнению Георгия Константиновича, получилось неубедительно, и он, подняв бровь, повторил, добиваясь натуральности звучания: «Ми-

хаил Кондратьевич!» Потом Одобеску отступил от зеркала ровно на шаг в глубь коридора и вдруг резко приблизил свое лицо к мутноватой от старости амальгаме, чтобы найти соответствующее чувству изумления выражение: «Вы один?!» Дальше Георгий Константинович предположил, каким будет ответ Коротича, и решил поменять вопрос: «Боже мой, Миша! У вас все в порядке?» Этот вариант понравился Одобеску больше, и он тоненьким голосом ответил за гостя: «В порядке», но снова почувствовал фальшь и начал искать третий вариант: «Друг мой! Наконец-то!» «Наконец-то» прозвучало лучше. Барону понравилось. Можно сказать, его творческая натура неожиданно нашла себе достойное применение. «Подлый лицедей», – вынес себе строгий приговор Георгий Константинович и окончательно пришел в прекрасное расположение духа.

Из комнаты вышла Аурика. Некстати. Ее появление было явно не по душе отцу. Он наморщил лоб, но удержался от того, чтобы попросить дочь удалиться, и, распахнув объятия, изобразил потрясение:

– Богиня! – воскликнул он и в умилении склонил голову. – Афродита!

– Папа, – пресекла поток восторгов дочь. – Ты уже битый час ходишь по коридору взад и вперед и корчишь рожи перед зеркалом.

– Ты подсматривала за мной, Золотинка? – погрозил ей пальцем Георгий Константинович, всерьез побаиваясь раз-

облачения. – Ай-я-я-яй! Как некрасиво!

– Никто за тобой не подсматривал, – пробурчала Аурика, изучая свое отражение в зеркале. Она была великолепна и сама чувствовала это.

– Красавица, – обнял ее отец за плечи и неожиданно для себя заметил, что дочь почти с него ростом. – Разреши, я поправлю, – попросил он Аурику и убрал с лица черные вьющиеся пряди волос.

Прекрасная Золотинка вернула их на место, причем больше из вредности, нежели из-за каких-то эстетических соображений. Георгий Константинович снова поправил дочери прическу и ловко намотал волосы на руку.

– Ай! – вскрикнула Аурика. – Больно!

– Прости, пожалуйста, – испугался Одобеску и подул ей в затылок.

– Что ты делаешь?! – обернулась к нему дочь.

– Знаешь, на кого ты похожа? – ушел от ответа отец.

– Знаю, на княжну Тараканову.

– На княжну Тараканову ты была похожа в прошлый раз. И то не очень. Сегодня ты похожа на брюлловскую красавицу Джованину Пачини с картины «Всадница». Помнишь, на коне?

– Не помню, – отмахнулась от отца Аурика, хотя все прекрасно помнила, но делала вид, что ей все равно.

– Такая же ослепительная, – любовался дочерью сентиментальный Одобеску.

– Ты все время меня с кем-нибудь сравниваешь! – капризничала Аурика, но барон чувствовал, что девушке приятно, поэтому старался изо всех сил и пытался придумать еще какое-нибудь сравнение, но мысль его оборвалась – в дверь позвонили.

– Звонят, – Аурика показала глазами на дверь.

– Я слышу, – ответил Георгий Константинович, но не сделал ни шагу. Присутствие дочери в момент встречи Коротича и его придуманной половины, очевидно, не входило в его планы.

– Давай, открою, – удивилась медлительности отца Аурика и направилась к двери.

– Не надо! – прошипел ей вслед Одобеску и замахал ей рукой, чтобы вернулась.

– Почему?

– Ты смутишь гостью, – прошептал барон.

– Я что, такая страшная?

– Нет. Слишком красивая, – отчаянно польстил дочери Георгий Константинович. – Настолько красивая, что можешь испортить людям праздник.

– Ну, мне же интересно! – сопротивлялась Аурика, но уже не так настойчиво.

– Мне тоже, – оборвал ее Одобеску и развернул лицом к гостиной. – Иди, скажи Глаше.

– Ты думаешь, твоя Глаша глухая?

– Аурика Георгиевна, – рассердился барон и подтолкнул

ее в спину. — Делайте, что вам говорят.

В то время, пока отец и дочь Одобеску препирались по поводу того, кому открыть дверь, в холодном полумраке парадного переминался с ноги на ногу вспотевший от волнения Миша Коротич, ощущавший себя перед входом в квартиру, как девушка перед первым причастием. В руках молодого человека — два чахлых букета из трех гвоздик, а в бездонном кармане ветхого пальто — бутылка «Цимлянского».

За последние полгода Мишина привязанность к Георгию Константиновичу стала столь прочной, что юноша был вынужден честно признаться себе: даже если надменная Аурика не сегодня-завтра выскочит замуж, ему все равно хотелось бы оставить за собой право посещать этот гостеприимный дом в Спиридоньевском переулке. Боявшийся очередного сиротства Миша Коротич с легкостью готов был поступиться собственной гордостью в обмен на возможность по-прежнему именоваться младшим товарищем старшего Одобеску. Невольно он сравнивал Георгия Константиновича со своим отцом, всякий раз испытывая из-за этого угрызения совести, но удержаться не мог и продолжал это делать с завидным постоянством. «Я предатель», — клеймил себя Коротич и пытался воскресить хоть что-то из приятных детских воспоминаний. Но вместо этого память подсовывала ему изображение серого могильного камня, которому по настоянию отца нужно было всякий раз говорить: «Здравствуй, мама».

«Двадцать лет я здоровался с булыжником», — мрачно про

себя шутил Миша, но от этого ему становилось еще хуже, а предательство словно удваивалось. Тогда он запретил себе думать о прошлом, но память жила по своим законам, и внутренний конфликт ощущался им все острее и острее, всякий раз напоминая о себе в тот момент, когда он пересекал порог дома Одобеску.

Сегодня, как ни странно, внутренний голос помалкивал весь день, словно отпросившись на выходные. Но Коротича это спокойствие не радовало: интуитивно он ждал какого-нибудь подвоха. Впрочем, деваться было некуда, и он нажал на звонок.

«Иду-иду», – донеслось до него из-за двери, и Мишино настроение мгновенно изменилось в лучшую сторону.

– Михаил Кондратьевич! – с готовностью раскрыл объятия Одобеску, но, вспомнив, что должен быть использован вариант приветствия номер три, тут же исправился: – Друг мой!

– Добрый вечер, – смутился Миша и протянул хозяину правую руку, левая была занята увядающими на глазах гвоздиками.

– Наконец-то! – Георгий Константинович решил не отступать от намеченного сценария. – Один?!

Коротич вытаращил на Одобеску глаза.

– Я так и думал! – проревел тот и подмигнул товарищу.

– Что случилось? – прошептал Миша.

– Аурика! – позвал дочь Георгий Константинович и сжал

руку Коротичу.

Младшая Одобеску, настороженно прислушивавшаяся к тому, что говорится в прихожей, не заставила себя долго ждать и эффектно распахнула двери гостиной, явив себя миру во всем своем великолепии. Но шоу не получилось: соперницы за дверью не было. Вместо нее стоял потерявший дар речи юноша в потертом пальто столетней давности.

– С Новым годом, Коротич! – поприветствовала его Аурика. – А где...

– Горжу-у-усь! – рявкнул Георгий Константинович и, не дав вымолвить дочери ни слова, тут же обратился к гостю: – Согласитесь, Михаил Кондратьевич, прекрасна, как никогда.

Коротич пожал плечами и промолчал.

– Вы не согласны, друг мой? – опечалился Одобеску.

– Вообще-то, папа, это нескромно, – пожурела отца Аурика и снова собралась задать мучивший ее вопрос о том, куда делась обещанная соперница: – А скажи мне, Миша, где...

– В гостиную! – скомандовал Георгий Константинович. – Прошу вас к столу, друзья мои.

– Вообще-то твой друг до сих пор в пальто, – подметила Аурика. – Коротич, ты что, так и будешь стоять как вкопанный, с цветами в руках? Давай, вручай уже! И где...

– Гла-а-аша! – завопил Одобеску, напугав и так смущенного гостя. – Примите пальто у Михаила Кондратьевича.

Принаряженная по случаю праздника Глаша с готовностью бросилась в прихожую, но не успела, потому что сама

Аурика Георгиевна, отодвинув в сторону отца, подошла к Мише и дружелюбно протянула ему руку:

– Раздевайся, Коротич, а то так и встретишь Новый год возле двери. И мы вместе с тобой.

Миша, покраснев, презентовал Аурике один из букетов и поискал глазами Глашу:

– Это вам, – неуклюже поклонился Коротич, отчего та зарделась и, приосанившись, приняла цветы, с улыбкой оглянувшись на хозяина дома.

Достав из внутреннего кармана пальто бутылку «Цимлянского» и тоже протянув ее Глаше, Миша наконец-то стащил с себя пальто.

– Сейчас плечики дам, – метнулась к нему помощница барона, но бывшая воспитанница снова ее опередила и приняла из рук гостя верхнюю одежду:

– Кстати, Коротич, папа сказал мне, что ты будешь не один. Где же...

– А вы бестактны, Аурика Георгиевна, – вмешался Одобеску и укоризненно покачал головой. – Не обращайтесь на нее внимания, Миша, – обратился он к гостю и, приобняв того за плечи, повел в гостиную.

Сев за стол, компания оживилась. Глаша, то и дело вскакивая со стула, пыталась ухаживать за всеми одновременно до тех пор, пока Георгий Константинович не усадил ее рядом с собой и не приказал замереть до завтрашнего утра.

– Я так не могу, – вслух пожаловалась его помощница и

снова попыталась встать.

– Сидите! – остановил ее Одобеску, а Аурика потребовала у Коротича пустую тарелку со словами:

– Давай, поухаживаю.

– Я сам могу, – буркнул гость, но тарелку протянул.

– Вообще-то, – напомнила ему младшая Одобеску, – этим должна была заниматься другая. Кстати, где она?

– Кто? – растерялся Миша и вопросительно посмотрел на Георгия Константиновича.

– Как кто? – возмутилась Аурика бестолковости гостя. – Твоя, как это, избранница. Правда, папа?

– Какая избранница? – заволновался Коротич.

– Твоя, – пожала плечами девушка.

– Моя?!

– Ну не моя же! – Аурика посмотрела на парня, прищурившись сквозь наполненный шампанским фужер.

– Простите, Миша, – Георгий Константинович медленно поднялся со стула и, приложив руку к груди, виновато поклонился: – Не удержался. Рассказал. Приношу свои извинения.

Не успел Коротич открыть рот для того, чтобы поинтересоваться, о чем, собственно, как Одобеску перехватил инициативу в свои руки и покаянно признался:

– Взревновал, знаете ли. По-стариковски. Буйство чувств, половодье глаз, так сказать.

– Половодье чувств, – поправила его дочь и прыснула себе

под нос.

– Смейся! Смейся над стариком, Прекрасная Золотинка, – чуть не зарыдал Георгий Константинович.

– Папа, что за спектакль?

– Спектакль?! И это ты называешь спектаклем? Слышите, Глаша?! Они (Одобеску словно нечаянно объединил сидящих напротив Аурику и Коротича) называют это спектаклем! Молодые и бессердечные. Далекие от меня... – Георгий Константинович взял паузу, посмотрел на сидевшую рядом помощницу и воодушевленно продолжил: – И от вас.

Одобеску говорил еще много разного, абсолютно непонятного и вроде как не к месту, но с такой экзальтацией, что скоро все присутствовавшие за столом перестали понимать, о чем идет речь, и просто терпеливо ждали, когда завершатся словесные эскапады вошедшего в раж хозяина дома. Испуганная Глаша посматривала на часы, отмечая про себя, что минутная стрелка неумолимо подползает к двенадцати, а тарелки у присутствующих за столом почти ничем не заполнены, а она ведь так старалась, чтобы было вкусно и красиво...

Аурика и Коротич постоянно переглядывались, посматривая на неумолкающего Георгия Константиновича, и даже улыбались друг другу, интуитивно чувствуя какую-то свою причастность к происходящему. Со стороны пятнадцатиминутное выступление барона Одобеску напоминало бенефис провинциального актера, собравшегося покинуть сцену, а потому считавшего своим долгом сказать все и сразу, потому

что потом такой возможности не представится. Поэтому, когда он плавно перешел к признаниям в любви ко всем присутствующим, и особенно к молодым, Аурика не выдержала и прикрикнула:

– Папа! Хватит. Новый год все-таки.

– Новый год?! – вспомнил Георгий Константинович. – Боже мой! А я о своем. Простите, люди, – поклонился он и добавил: – И дети.

– Дети? – чуть не задохнулась Аурика и ткнула Коротича в бок.

– Конечно, дети, – подтвердил Одобеску, отказавшись считать вырвавшуюся фразу оговоркой. – Прекрасные, молодые, всемогущие дети. Дайте мне хоть на минуту почувствовать себя отцом двух прекрасных детей. Тебя, Золотинка. И вас, мой юный друг. Ты знаешь, детка, – с любовью посмотрел он на дочь. – Больше всего на свете мне хотелось быть отцом дюжины детей. Но бог не дал мне такой возможности. И вот на старости лет – такая удача. Взрослый мальчик, благородный и мужественный. Мечта любого отца. Я не зря растил тебя, Прекрасная Золотинка, ты принесла в наш дом счастье, сама того не ведая. И я, грешным делом, подумал: можно умирать, дело сделано. И пусть не муж, зато брат. Я счастлив, дети! С Новым годом!

Мише стало неловко. Аурике – обидно. Получалось, что главная ее миссия состояла в том, чтобы явить миру этого придурка Коротича. Она тут же надула губы и, подняв фужер

с шампанским, потянулась к гостю:

– Ну что? С Новым годом, брат.

– С Новым годом, Аурика! – прошептал Миша и громко добавил: – С Новым годом, дорогой Георгий Константинович! С Новым годом, дорогая Глаша!

– С Новым годом! – засиял улыбкой барон Одобеску и начал одаривать присутствующих, не зная меры в проявлении щедрости.

– Я не могу это принять, – отказался от подарка Коротич, обнаружив в коробке старинные швейцарские часы в золотом корпусе.

– Ну что вы! – расстроился Георгий Константинович. – Это от всей души.

– Я несколько в этом не сомневаюсь, но...

– Но?

– Это слишком дорогой подарок, причем по совершенно незначущему поводу. Всего лишь Новый год.

– А если бы этот подарок презентовал вам ваш покойный отец? Вы бы его приняли?

– Мой отец не стал бы этого делать, – как отрезал Миша и помрачнел.

– Коротич, не отказывайся, – поддержала отца Аурика. – Считай, что это не подарок, а знак отличия. Ты же теперь Одобеску, правда, папа? – съязвила девушка, недобро сощурившись.

– Я не Одобеску. Я – Коротич, – жестко произнес гость и,

развернувшись к Георгию Константиновичу, попросил: – Не обижайтесь на меня. Это принципиально.

– Я понимаю. Понимаю, – забормотал барон Одобеску, проникнувшись к молодому человеку еще большим уважением.

В отличие от гостя, Аурика Георгиевна себя утруждать не стала. Она приоткрыла продолговатый деревянный футляр, мельком взглянула на спрятанное в нем украшение и тут же захлопнула крышку, не проявив никакого любопытства к отцовскому подарку. Коротича это неприятно покорибило, он даже хмыкнул. Аурика оскорбилась и, нагнувшись к гостю так, чтобы он один мог ее услышать, прошипела:

– Чему ты удивляешься, Михаил Одобеску? Из года в год он мне дарит одно и то же. Ни один нормальный человек не выдержит.

– У кого щи пусты, у кого жемчуг мелкий, – не остался в долгу Коротич.

– Щи, это, конечно, у тебя?

– У меня, конечно, императрица Аурика Георгиевна.

– Ты меня бесишь, – еле сдержалась девушка, чтобы чем-нибудь не запустить в сидящего рядом гостя.

– Ты меня тоже, – с елеинной улыбкой произнес тот и предложил тост.

– Тост? – обрадовался Георгий Константинович, не прекращавший наблюдать за передвижениями «противника».

– Георгий Константинович! – Миша встал со стула и за-

мер с фужером шампанского. Он очень волновался. Это было видно по тому, как он сжимал и разжимал кулак левой руки. – Глаша! И вы, Аурика Георгиевна. Я хочу поблагодарить вас за то, что вы пригласили меня к себе встречать Новый год. Для меня это невероятно значимо. Особенно сейчас, когда я оказался абсолютно один. Наверное, я не имею на это права, но все-таки скажу. Я вам завидую. Мне очень хотелось бы быть одним из вас, хотя, наверное, кое-кто, естественно, против. – Он посмотрел на Аурику.

– Естественно, – не удержалась она, но тут же опустила голову, не выдержав отцовского взгляда.

– Я все-таки продолжу, – подбодрил себя Коротич и, развернувшись лицом к старшему Одобеску, выдохнул: – Георгий Константинович, я понимаю, что вы разочарованы отношением своей дочери ко мне, и это, конечно, несколько осложняет ситуацию, но, правда, позвольте мне приходить к вам, невзирая на явное отсутствие симпатии в мой адрес со стороны Аурики Георгиевны.

– Миша, – Одобеску сглотнул комок в горле, – друг мой...

– Подождите, – оборвал его Коротич и попытался договорить, но вконец смутился и выдавил из себя: – Будьте здоровы! И вы, и вы, Глаша, и вы, Аурика Георгиевна.

– Буду! – незамедлительно пообещала последняя и резко встала, не обращая внимания на укоризненный взгляд отца. – Давайте выпьем! Папа, цепляй свою селедку! Аурика Георгиевна будет говорить тост.

Назревал скандал, барон Одобеску чувствовал, что ситуация выходит из-под контроля, но вмешиваться остерегался, отмечая про себя, как недобро блестят глаза Прекрасной Золотинки.

– Может, горячее нести? – засуетилась Глаша.

– Рано! – отрезала Аурика и, приняв вальяжную позу, обратилась к соседу: – Коротич, ты нудный. Поэтому я желаю тебе быстрее жениться на какой-нибудь библиотекарше, чтобы вечерами перед сном читать с ней «Науку и жизнь». Ни на что другое ты больше не способен. Только предупреждаю: не вздумай приводить свою гримзу в мой дом! Мало не покажется. А вам (она с вызовом посмотрела на отца) я желаю оставить меня в покое и не пытаться устраивать мою жизнь по своим правилам. И перестаньте прятаться, наконец! Вы взрослые люди, а ведете себя, как дети. Будьте здоровы, мои дорогие родственники, и продолжайте встречать Новый год, а я, пожалуй, вас покину. Пойду пройдуся, пока не покрылась плесенью.

Договорив, Аурика поднялась и демонстративно удалилась, прикрыв за собой распахнутые двери гостиной.

– Ариведерчи! – злобно прокричала она из прихожей и начала одеваться.

– Я ее верну, – вскочил Миша, но тут же был водворен на место:

– Не вздумайте. Пусть идет.

– Новый год же! – взмолилась Глаша и тоже попыталась

выбраться из-за стола.

– Ну и что?! – резонно отметил Георгий Константинович и не двинулся с места. – Моя дочь позволила себе хамскую выходку по отношению ко всем присутствующим. Это непозволительно. Мне очень горько осознавать, что именно я немало поспособствовал тому, что из нее выросло такое чудовище. Отцовская любовь слепа.

– Любая любовь слепа, – тихо добавил Коротич.

– Налейте мне водки, мой друг, – попросил его Одобеску. – Помянем мою безмятежную старость.

– Вы прекрасный отец, – попытался поддержать его Миша. – Поверьте! Мне есть, с чем сравнивать.

– Увы! – помрачнел Георгий Константинович. – Нельзя завидовать мертвым, но, похоже, ваш отец оказался на порядок прозорливее меня. Я это вижу.

– Это не так!

– Это так, – Одобеску опрокинул налитую рюмку, отвел руку Глаши с нанизанным на вилку куском селедки. – Простите меня, Миша. За испорченный вечер. За дочь. Право, хотел, как лучше. Старался. Зря.

– Не зря, – выкрикнул гость, не зная, что предпринять для того, чтобы хоть как-то успокоить хозяина дома. – Я сейчас! Буквально пять минут. Найду и приведу.

– Приведите ее, Миша, – всхлипнула Глаша. – Ночь на дворе. А она девушка.

Георгий Константинович не сказал ни слова. И только ко-

гда хлопнула за Коротичем дверь, подцепил колечко пропитанного подсолнечным маслом лука и задумчиво отправил его себе в рот.

В последнее время праздники в его семье перестали получаться. И что странно, размышлял про себя барон Одобеску, всегда по одной и той же причине – Аурика. Даже будучи, по выражению Глаши, «поперечной девочкой», она доставляла ему гораздо меньше хлопот: по пальцам можно было пересчитать какие-то оставшиеся в памяти крупные ссоры. Зато в прошедшем году! Дня не проходило, чтобы Золотинка хоть что-нибудь да не выкинула. Как с цепи сорвалась!

– Замуж ей надо! – в унисон хозяйским мыслям произнесла Глаша и поставила перед Георгием Константиновичем чистую тарелку.

– Не хочу, – ответил он ей. И тоже получилось двусмысленно: то ли чистой тарелки не хочу, то ли дочернего замужества.

– Бесится она, – непривычно резко для себя определила помощница Одобеску и села рядом с хозяином, подперев рукою щеку.

– Вижу, – безропотно признал Одобеску. – А мне что делать? Ты знаешь, сколько мне лет?

– Знаю, – Глаша прильнула к Георгию Константиновичу. – Да сколько б ни было! Все ваши.

– Ты не понимаешь! Ты не понимаешь, что такое единственная дочь, единственное любимое дитя!

– Так откуда ж? – моментально согласилась женщина. – Своих-то у меня отродясь не было.

Георгий Константинович почувствовал, что допустил бестактность, и поцеловал Глашу в висок:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.